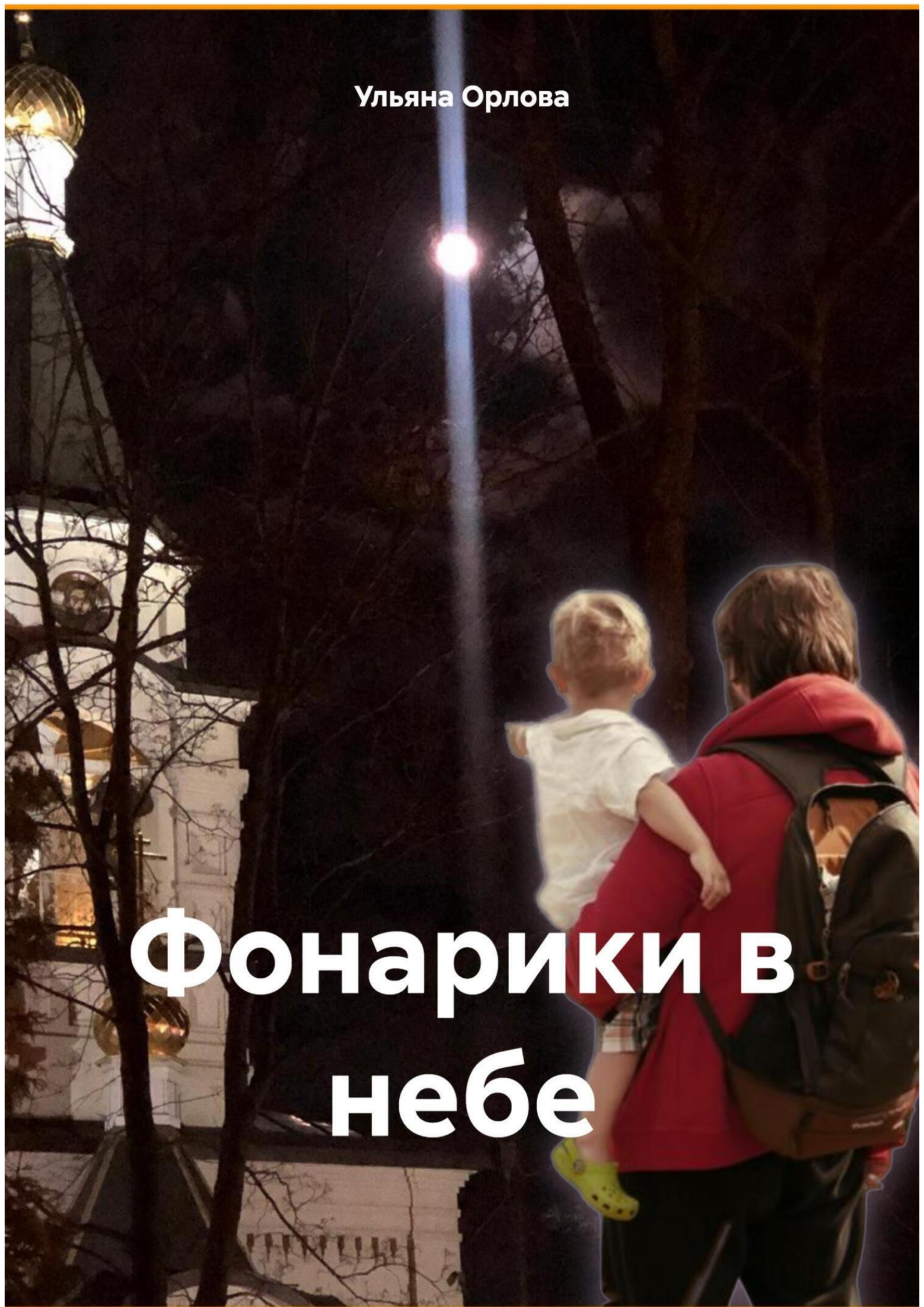

Ульяна Орлова

Фонарики в небе

Ульяна Орлова

Фонарики в небе

«Автор»

2023

Орлова У. В.

Фонарики в небе / У. В. Орлова — «Автор», 2023

Мишке Жукову 12 лет, он едет отдыхать в деревню со своим приемным отцом, Юрой. Отдых в деревне-казалось бы, самая обычная жизнь. Однако во время отдыха случаются самые разные вещи. Здесь Мишка находит новых друзей, узнает о том, как его отец стал капитаном дальнего плавания, находит общий язык со своей новорожденной сестренкой... Да и у Юры дел полно: он помогает жене, печет хлеб, ловит рыбу, а потом организует плавание в Крыму с детьми из многодетных семей. Как все успеть? Когда у тебя на руках новорожденная дочка и приемный сын-подросток? Как научиться не отчаиваться и вовремя успевать на помощь? И самое главное- как стать настоящим отцом и вовремя оказать поддержку своему сыну? Эта книга для тех, кто любит жизнь. Книга о любви человека к человеку. Книга о том, что волнует каждого из нас: дружба, взаимопомощь и надежда.

© Орлова У. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ульяна Орлова

Фонарики в небе

Любимому мужу

*Заповедь новую даю вам, да любите друг друга;
как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга...
Евангелие от Иоанна, глава 13, стих 34*

Пролог

Зонтики колыхались, как парашюты.

Юрик продирался сквозь белые заросли. Синий мотылёк, притворяясь листиком, опускался на купола этих парашютиков, замирал на миг и снова оживал, словно приглашая Юрку поиграть.

Но Юрке сейчас было не до игры.

Дубы, окружавшие поляну, стояли неподвижно, разведя могучие ветки: «Мы здесь ни при чём. Это не мы спрятали папу».

Юрик раздвинул зонтиковые заросли и увидел великана.

Гигантское колесо поднималось над поляной, травой, над зелёными деревьями. Оно стояло на длинных белых ногах и медленно вращалось: огромную цепь крутили шестерёнки высотой с бочку. Обшарпанные кабинки чуть покачивались от ветра, особенно там, на самой высоте, где белое облако, посмеиваясь, хотело проглотить тёплое солнце.

Юрик вытащил из волос репейник, сунул игрушку-орлика в карман и огляделся.

Летняя поляна дышала невидимой жизнью. Над травой летали тонкие пушинки. Гудели круглые рыжие шмели. Мотылёк резвился с бабочками в воздушные догонялки. На стеблях лопуха выстроилась муравьиная очередь за сладким нектаром.

Неподалёку от колеса-великана были скамейки с витыми чугунными ножками. На одной из них сидел отец и, чуть согнувшись, читал толстую книгу с потрёпанными уголками.

Юрик хотел было раздвинуть заросли и побежать к нему, как вдруг замер и хитровато прищурился: ему в голову пришла идея. Синий листик-мотылёк вместе с его лимонным другом обогнал бабочек и кружился совсем рядом. Прожилки на крылышках – тоненькие, как нитки, складывались зеркальным узором. Мотылёк присел на белый парашютик... Раз – и Юрик накрыл его ладошками. И стал пробираться к папе.

Заслышав шелест травы, отец поднял голову.

– А, Юрик... Играешь? Где Олежка?

– Он за лимонадом побежал, – Юрка вздохнул. – Пап, а ты опять про своего Айболита читаешь?

– Ага.

– А тебе не надоело про одно и то же?

Изнутри щекотал ладошки листик-мотылёк.

– Нисколько, – отец положил книгу на скамейку и посадил Юрку на колени. – А ты чего так запыхался? Бежал?

– Бежал, – Юрка скосил глаза на книгу. «Внутренние болезни», – по слогам шёпотом прочитал он и снова посмотрел на колесо. Облако, подмигивая, отплыло от солнца. На ресницы сели тысячи крошечных зайчиков. Дубы вздохнули и зашелестели листьями.

– Чего ты, малыш? Что это у тебя там за секрет?

– Пап, хочешь загадку?

– Ну, давай.

Юрик протянул папе сложенные ладошки.

– Угадай, живое или неживое?

Отец внимательно посмотрел на сына, погладил усы.

– Всё в твоих руках, – просто сказал он.

Юрик осторожно раскрыл ладони. Синий листик сначала качнулся вниз, а затем вдруг вспорхнул, затрепетал крылышками и полетел высоко-высоко, словно хотел стать частичкой голубого неба. Юрик, проводив мотылька взглядом, вдруг увидел справа от колеса дорожку, белую статую гипсового медведя с оторванной лапой. По выщербленному асфальту шагал брат,

неся в руках два стаканчика с газировкой. Вот она, тропинка, где они разбежались, а ему казалось, что он пробыл на поляне целую вечность. Сначала они исследовали джунгли с орликом, а потом он вдруг испугался тишины вокруг и решил, что потерялся.

Отец взлохматил Юрке волосы.

– Ну, беги играй. Смотри, вон Олежик идёт.

Глава 1

Парус

1

– Юра, доброе утро!

Юра медленно открыл глаза: стол, тёмно-синие шторы, за которыми золотистыми пятнами играет солнце. В комнату кто-то тихонько вошёл. Юра сел на кровати и увидел Мишку: босого, лохматого, в одной майке. Мальчик нерешительно переминался с ноги на ногу. Юра улыбнулся и взял его за тёплые ладошки.

– Доброе! Как спалось?

– Отлично! Юра, а мы поедем сегодня в Москву?

– Да... Который час?

– Половина восьмого.

– Ого. Ну, я сегодня задрых.

Юра встал, отодвинул шторы – погода сегодня в самый раз для прогулок: небо чистое, ветки деревьев покачиваются на ветру. Будет солнечно, но не жарко: ветер, скорее всего, юго-западный, или зюйд-вест, ветер прогулок и приключений. На сегодня дел – море.

– Пошли завтрак готовить. Будем теперь сами хозяйничать.

– Ага! Как там Наташа без нас?

Он и сам бы хотел это знать. Хотя он вернулся от неё вчера, кажется, будто месяц, как расстались.

...Она стояла, прислонившись лбом к оконному стеклу. Вся её хрупкая фигурка, замершая возле окна, напоминала лепесток-каплю свадебного наряда, который недавно сбросила вишня: её зелёные ветки с соломенными завязями покачивались за окном. Солнце пёрышком скользило по листьям, золотило длинные волосы Наташи. Птица с ярко-жёлтым клювиком и серым брюшком прыгнула на ветку, повертела маленькой головкой и осталась качаться на ней. Наташа не шевельнулась. Колыхнулись узкие плечики, и снова – та же неподвижность и молчание. Лепесток-парус. Чуть дунешь – полетит, помчится по голубовато-изумрудной глади...

Он такой её помнит с того момента, как они познакомились. Лёгоньким парусом, который ставят на маленькие яхты.

Юра тихо подошёл сзади, коснулся её плеч.

Наташа чуть слышно всхлипнула.

Он обнял её.

– Меня куда не пускают... – шепнул ей на ушко.

Она мельком глянула на него – два моря. Моргнула: капли-алмазы осели на щёчках.

– Ладно тебе... – он провёл по шёлковым волосам – захотелось уткнуться в них носом. – Ну, ты чего?

Познакомились – это неточно. Встретились спустя семь лет после окончания школы. И стали узнавать друг друга – заново. Не была Наташка в школе парусом. Снежинкой: маленькой, лёгкой, едва заметной – такие опускаются иногда на шерстяное пальто и быстро тают, если их поднести к лицу – от тёплого воздуха.

– Юр... Я не могу. Я замучалась здесь. Совсем...

– Что, опять звонили?

Она опустила голову.

– Из Москвы. Им ведь не скажешь, что мне себя тяжело нести, не то что аппаратуру...

– Не понимают?

– Понимают. Даже подождать готовы.

Сложно поверить, что ей тяжело себя таскать. Она двигается легко и бесшумно. Даже сейчас...

– А вчера из женской консультации звонили. Я уже решила. Я напишу им, что уезжаю к тётке. Устала...

Он робко дотронулся до её животика.

– Неужели обманешь бабушку-врачиху?

Она снова посмотрела на него. На этот раз долго и внимательно, с ожиданием.

Он молчал.

– Юр... Ну ничего со мной не случится. Отпусти меня, а? Я устала в этом городе, от машин, от шума, от нашего соседа, который опять со своим ремонтом... Пойми ты, я же чувствую, что всё хорошо! Я задыхаюсь тут... Мы в субботу ездили на озеро... Я там надышалась наконец!

– Давай снова съездим?

Она покачала головой:

– Разве что только с палаткой...

– Наташ... – он стал перебирать её пальчики. Тоненькое блестящее колечко... Тёплые, мягкие руки. – Давай дождёмся малыша, а потом все вместе поедem?

– С новорождённым? Куда!

– Ну, дождём...

– У Мишки школа начнётся. А ты обещал организовать плавание на яхте... Юр, да не поедem мы никуда, когда он родится.

Она вытерла глаза. Выпрямилась.

– Чего ты боишься? Скажи мне, чего?

– Ну... что с тобой что-нибудь, пока меня нет... Я же не могу сейчас туда поехать с тобой. Мишке надо документы доделать... Визу забрать. К плаванию подготовиться. Дверь поменять мы хотели... Она еле держится. А там деревня всё-таки.

– Там город в часе езды. И ничего со мной не случится!

– Вот понадобилось же твоей тётке именно сейчас тебе звонить. Не могла подождать, понимае ли... Море ей подавай!

– Да при чём тут тётка, Юр? Чего ждать? Не хочу я торчать в городе всё лето!

– В прошлом году же торчала. И ничего...

– В прошлом году был Питер. Кронштадт... Забыл? Мы же на две недели ездили...

– Я думал, что в позапрошлом...

– Нет, в позапрошлом мы ездили в Абхазию. А в том – в Питер... Ой, как было хорошо! И две недели... Всего... А будто всё лето там! А тётка и в том году нас звала...

– Точно! Но жигуль ждал ремонта...

– Так ведь сейчас-то он ездит! Юр, до деревни на поезде восемь часов.

– На нашей черепашке побольше...

– Ну и что? Чего ты боишься? – снова спросила она. Уже с мягким нажимом.

Он не смог ей ответить. Пожалуй, и не сможет никогда. Как можно сказать любимой, что боишься её потерять?

– Ты уезжаешь в плавание самое маленькое – на четыре месяца, – напомнила она. – Звонишь раз в неделю. Ты думаешь, я за тебя не боюсь?

Он пожал плечами и отвёл глаза.

– Со мной, пока ты в плаванье, может случиться что угодно... – прошептала она. – Но не будешь же ты менять профессию!

– Не надо чего угодно, – вздохнул он. – И сейчас я с тобой.

Здесь дом, мама... Здесь друзья, знакомые, город его, позвони любому – отзовётся. А там деревня! Хотя... Везде есть свои подводные камни.

Кажется, она поняла, о чём он подумал. Но тактично промолчала. Прижалась к нему, дотянулась ручкой до щетинистого подбородка – он прижал её пальчики к щеке, поднёс к губам...

Они молчали. Птичка с жёлтым клювом глянула на них глазком-бусинкой и пружинисто оттолкнулась от ветки. Мгновение – пусто.

– А я так не могу, – грустно сказала Наташа.

Он не стал её отговаривать. Разговор этот – не первый... Первый был в начале мая, когда позвонила её тётя и пригласила в деревню их семью. Она уезжала на море: хозяйничайте. И ей хорошо – присмотрят за домом, и им – «молочка парного попьёте». Только вот не знала она...

– Два с половиной месяца осталось, – напомнил Юра.

– Да знаю я... Почти три! – вздохнула она. – А я слоном себя чувствую...

– Какой ты слон? – он улыбнулся. – Ты – парус.

– Ага... Брезентовый. Юрка, знаешь... Я так люблю, когда ты улыбаешься!

– Тогда не пугай меня!

Она посмотрела на него – ласково и осторожно. Солнышко из-за туч – её глаза так же светились.

– Я люблю тебя! – прошептала она.

– А я тебя! Наташка, Наташка! – Как ему захотелось взять её и унести и быть вместе, всегда-всегда! Он подхватил её на руки и закружил по кухне.

– Ой! – испугалась она. – Я же тяжёлая!

– Какая тяжёлая? Ты моя пушинка, пушинка-снежинка... Улетишь от меня...

Она засияла.

– Отпускаешь?

– Отпускаю, – он чуть ослабил руки.

– Ой! – она вцепилась ему в шею.

– Отпускаю – отпускаю – отпускаю! – засмеялся он, наслаждаясь теплом её рук и крепкой хваткой тонких пальчиков...

Бережно поставил её на пол.

– Серьёзно? – умоляли её глаза.

– Я тебя отвезу.

– А Мишка?

– Побудет с бабушкой. Или отвезу его к Денису. К нему как раз Славка приехал.

– А вдруг чего?

– Не вдруг. И ничего.

Она счастливо вздохнула. Взяла его за руку. В такие моменты она особенно казалась ему маленькой девочкой...

– Только не на машине. Можно?

Он задумался.

– Обратное по-любому надо будет ехать на машине...

– Надо будет?

– Так удобнее, я думаю. Не, сейчас можно и на поезде. А почему нет? Давай...

– Юр, там у нашего соседа, дяди Саши, машина есть. Он отвезёт, если что.

Он пожал плечами.

– Я всё-таки не понимаю, как через месяц ты собираешься ехать обратно? Будет же ещё тяжелее!

– Если будет тяжелее – останусь там... Роддомы везде одинаковые... Плюс-минус.

– В столице лучше.

– Ты собираешься меня везти до столицы? – она засмеялась, а потом стала серьёзной. – По большей части всё зависит от меня... Нет. От Него, – она показала пальчиком наверх. – И немножко от меня. А остальное... Пусть будет, как сложится.

Он поцеловал её... Не мог, не хотел её отпускать – лёгкую, маленькую птичку. Волшебный парус. Знала бы она, как ему не хватает её! Ближайшее плавание предстояло на полгода. Потому что он продлил себе отпуск, чтоб побыть с ней, пока она в нём нуждается.

– Знаешь, я буду волноваться. Сильно.

– Юр... Мы ведь все в Его руках, разве нет?

– В Его. И всё же...

Она уехала через два дня.

2

Осталась мужская компания, если не считать бабушки, Юриной мамы. Но бабушка вскоре уехала в санаторий на месяц.

А дел, которые предстояло осуществить, было немало. Юре нужно было продлить визу, но первым и основным было – сделать Мишке загранпаспорт. Мальчик давно уже просился с ним, а документов у него не было.

Однако взять ребенка сразу в длительное плавание Юра не рискнул бы. Поэтому придумал летом взять его на недельку-другую в круиз по Чёрному морю.

Так сложилось, что пару лет назад они с Наташей отдыхали в Крыму у бывшего сокурсника Володи. Володя после окончания учёбы уехал к родственникам в Севастополь, обзавёлся яхтой и стал заниматься тем, что организовывал круизы вдоль побережья Крыма. Юру и Наташу он давно звал «на будущий год» поплавать.

Весной Денис предложил взять знакомых ребятшек из многодетных семей и их с Юрой друзей. Набиралась команда. А плавание планировалось ближе к концу августа, в двадцатых числах. Впереди была поездка в деревню, к Наташе, а главное – появление на свет нового человека. Для Юры это была грань, за которой начиналась совсем другая жизнь. Поэтому он хотел всё успеть сделать до её начала.

Две недели они провели в путешествиях по Москве: документы одним днём не сделаешь. Ездили в основном на электричках и на метро. Каждая их вылазка сопровождалась какой-нибудь «экскурсией». Катались на теплоходе, гуляли по Александровскому саду, ездили в Парк Победы в музей военной техники, были в политехническом музее и в главном «Детском мире» на Лубянке.

Сегодня они ели мороженое на верхних этажах Делового центра. Сперва прокатились на «Ласточке» – поезде, который пустили в прошлом году по Московской кольцевой дороге. Вместе восхищались, причём Юра, кажется, больше. Мишка спокойно смотрел в окно, иногда чуть приподнимая брови – удивляясь, что слишком быстро наступает следующая станция, а в поезде тихо. Но когда оказались на высоте, где за стеклянными полукруглыми окнами было видно всю Москву... Надо было видеть Мишкины глаза, чтобы понять, почему Юра никогда не жалел о таких путешествиях и не задумывался ни о деньгах, ни о временных ограничениях.

– Юр, честное слово, я думал, наша водонапорная башня самая высокая... И это всё – Москва?!

Когда они подошли к окнам – вцепился в его руку, кажется, даже не заметив этого. И только тогда посмотрел вниз... Потом поднял на Юру огромные тёмные глаза: и восторг, и какое-то детское удивление проступали сквозь страх.

– Юра, – почти шёпотом спросил он, – ангелы ещё выше летают, да?

Юрка улыбнулся, взлохматил ему волосы. От нарастающей радости, от осознания того, что Мишка рядом и так здорово стоять вдвоём и смотреть на Москву, – захотелось обнять мальчишку, но он не решился. Просто положил ему руки на плечи. А потом вздохнул: Наташу бы сюда...

Эти глаза были самым большим подарком. Юра и сам любил гулять по столице: когда-то в детстве выходной день, в который отец брал его с собой, был самым большим праздником. А потом однажды детство кончилось, а мальчишка внутри остался. И, путешествуя с Мишкой, Юра по-детски радовался и думал, что, быть может, Мишка чувствует что-то похожее.

Домой вернулись ближе к полуночи. Опоздали на электричку, пришлось ехать на автобусе, а поскольку была пятница – дорога вместо двух заняла три часа. Сил хватило только на то, чтобы выпить сладкого чаю, запихнуть в себя бутерброд и добраться до постели. Правда, перед этим Юра заглянул к Мишке в комнату, где они ещё немного «попутешествовали» в воспоминаниях.

– Юр, а там, в башне... Ты не ответил мне про ангелов, – на этот раз взгляд мальчика был серьёзным, даже требовательным.

Юра вздохнул.

– Мишка, у них нет пространственных границ. Они же не имеют тела, как люди.

– А почему их тогда на иконах рисуют с крыльями?

– Крылья – это символ полёта и скорости. Причём скорости не только как быстроты перемещения, а выполнения Божией воли.

– Но они же всё-таки летают, да?

Юра улыбнулся:

– Летают. Мгновенно и на далёкие расстояния.

– Как телепорт?

– Вроде того.

– А зачем?

– Мишка... Ангелы – это своего рода связисты между Богом и человеком.

Мишка приподнялся на локте.

– Связисты? Это интересно. А я читал, что ангел переводится как «вестник».

– Правильно.

– А как их услышать?

– Стараться быть здесь и сейчас. И быть внимательным к тому, что у тебя внутри.

– Юр, а им бывает страшно? – шёпотом спросил Мишка. – Всё-таки какая сложная у них работа!..

– Я вижу, не даёт тебе покоя этот вопрос?

Мишка улыбнулся краешками губ. Юра вздохнул:

– Если честно, я не знаю. Видишь ли, Мишка... Быть ангелом – это не совсем работа. Это, скорее, состояние. И, думаю, в их умах столько любви к Богу, что места для страха просто нет.

Мишка улёгся на подушку, положил сцепленные пальцы под голову, улыбнулся.

– А я сегодня был такой счастливый на башне...

– Я тоже.

– Юр, мы всё ездим-ездим, так здорово!

– Здорово... Спи, – Юра укрыл Мишку одеялом, потому что сил говорить уже не было. Погасил свет, прошёл в свою комнату и, плюхнувшись на застеленную кровать, мгновенно заснул.

3

Кроме этого, Юра затеял поменять входную дверь, которую не меняли, кажется, с тех пор, как родители переехали в эту квартиру. Лет двадцать восемь назад, если не больше, дверь стояла и честно выполняла функцию стражника. Всё остальное в квартире было поменено, покрашено и побелено, окна светились белым пластиком, и даже батареи в квартире были новые. А вот до двери руки никак не доходили... Очень уж обшарпанной она стала, замок заедал, не стражник, а так – дряхленький старичок.

Поэтому следующие несколько дней они с Мишкой провели в строительных магазинах, выбирая дверь, замок, петли и всё остальное; ещё несколько дней Юра её устанавливал. Он любил работать руками, поэтому всё в доме делал сам. Исключение – окна, у него тогда был слишком короткий отпуск, и в этой работе он совершенно ничего не смыслил, поэтому пригласил установщиков из фирмы. Надо отдать им должное, сделали всё как надо.

Но как же без прогулок? Вечерами шли «проверять», как дела в городе. Юра подремонтировал для Мишки свой велосипед и прогуливался за ним в темпе кардиотренировок.

Мишка города почти не знал, поэтому сильно далеко не уезжал, стараясь держаться в зоне видимости. Его друг, Коля, уехал в деревню, пообещав вернуться в августе, поэтому парень с удовольствием помогал ставить дверь, а после – выволакивал «коня» на вечернюю прогулку. И, надо отдать ему должное, сам затаскивал на третий этаж.

Часто ходили к водонапорной башне, оттуда – разными маленькими улочками выбирались к лесу, который окружал больничный городок... Там Мишка давал себе волю и разгонялся. Юра после первой такой прогулки стал надевать тренировочные кроссовки – почему не воспользоваться прекрасной возможностью побегать? Тем более что с бумажными делами он совсем забыл про тренировки. А ведь впереди годовая медкомиссия... Воспоминания о медосмотрах сидели постоянной занозой, про которую он забывал только на время плавания. А на суше единственным средством, позволяющим на какое-то время отвлечься от неё, был тренажёрный зал.

Иногда они просто ходили пешком. «Филонили», как выражался Мишка. Он так и говорил после ужина: «Юр, а давай сегодня пофилоним?» – «Неохота коня таскать?» – шутил Юра, хотя понимал, что это не так. Скорее всего, у Мишки просто сегодня такое вот созерцательное настроение. Они шли до ближайшей остановки, садились в автобус и ехали на вокзал. Потому что Мишка больше мультиков и фильмов обожал смотреть с переходного моста на поезда. Фильмы – они на дождливую погоду. А тёплым летом, когда один за другим зажигаются фонари и на дремлющий город, уставший от туристов и вернувшихся с работы людей, опускаются голубые сумерки, – Мишка наслаждался кино под открытым небом. Провожал дальние поезда. С интересом наблюдал за пассажирами... Юра в такие моменты размышлял о будущем и настоящем, о делах, разбирал свои мечты, звонил и подолгу разговаривал с Наташей. Она смеялась, спрашивала – неужели они теперь прописались на вокзале и питаются только пончиками и капучино? «Конечно, – отвечал Юра, – ты же уехала, кто нас теперь накормит?»

Чтоб совсем не расслабляться – домой возвращались пешком. Погода располагала к путешествиям: вечера были прохладными, небо – синим и чистым, листья – особенно умытыми и блестящими, какими бывают только в июне.

А в июле погода испортилась. Начались дожди с грозами. Похолодало так, будто наступила осень. Или были то солнце, то дождь, то какой-то сногшибательный ветер... Не до прогулок стало. Мишкин паспорт обещали сделать к августу, Юра забрал свою визу и стал подумывать, когда лучше выехать в деревню.

4

В один из таких дождливых дней они с утра начали собирать вещи. Побросали что было в рюкзаки, и тут выяснилось, что у Мишки нет резиновых сапог.

– И что же ты молчал?

Мишка только плечами пожал. Он вообще забыл про существование такой вещи, как резиновые сапоги.

Поехали в магазин, хотя обещали грозу, – но куда деваться? На обратном пути попали под неё – на остановке их застал ливень стеной, с колючими шариками града. Мишка вздрагивал от раскатов грома и молчал, Юра накинул на него свою куртку и хмуро ждал автобуса. Они, автобусы, переполненные людьми, ползли, как едва живые киты. Мишка переобулся в новые сапоги, Юра перетапывался в мокрых ботинках.

– Как вселенский потоп, – сказал кто-то на остановке.

Юра давно не видел, чтоб с такой силой и мощью лил дождь в столице. Улыбнулся: тем, кого застал вселенский потоп, было куда хуже... Когда водяная стена стала почти прозрачной и дождь приобрёл некоторую монотонность, им удалось взобраться в очередной переполненный автобус, и остаток дороги они в нём отогревались. Даже радовались тому, что он ехал медленно. Потом шли домой, перепрыгивая с затопленных дорожек на новые гладкие тротуары. Хорошо хоть, взяли зонтик, один на двоих.

Когда наконец-то открыли новыми блестящими ключиками новую дверь и Юра, сняв промокшие ботинки, прошёл в ванную, – охнул и опустил руки: пока их не было, каким-то непостижимым образом треснул бачок унитаза.

– Мишк, – позвал он, – согрей чаю! – Это была первая его реакция. С такими вещами по ремонту дома он ещё не сталкивался. – Я поеду в «Конструктор», а ты дособирай свои вещи и посуши всё, что мокрое. Где мои сапоги?

– Юра, а там дождик ещё не кончился. Вон, громыхает... Сапоги ты вчера в рюкзак убрал. Ты опять поедешь? Может, завтра?

– Не, не будем экспериментировать с соседями, да и вообще... – Ощущение того, что лучше заканчивать с делами и выезжать к Наташе, возникшее утром, нарастало, и, поразмыслив, он решил, что ничто ему не мешает выехать в деревню. Кота только надо соседке отнести, пока мама не вернётся из санатория.

Сел с Мишкой пить чай: как же хорошо... Даже ноги почти согрелись, хотя внутри всё ещё сидела холодная дрожь. В квартире было зябко: горячую воду отключили на две недели. Можно сказать, это некоторое испытание на прочность духа: такая погода и холодная вода. Они с Мишкой не унывали, пока не наступил сегодняшний день. Юра держался, хотя внутренне передёргивался от предстоящего похода в магазин по дождю... Наверное, придётся жигулёнка заводить: так теплее, да и бачок не на себе же тащить.

– Юр... – сказал Мишка, – а помнишь, как в зоопарке горный козёл у нас хлеб выпрашивал?

– Ага, – Юра отвлёкся от невесёлых размышлений.

– Скажи, умора просто? И носом тёрся, и глазами так смотрел, будто его неделю не кормили! А как павлин мяукал? Я думал, это кошка!

– Помню, – улыбнулся Юра. – А чего ты его вдруг вспомнил?

– Ну так, просто... Вот бы ещё съездить!

– Понравилось?

– Ага...

– Ну съездим, раз понравилось. Вернемся из деревни и съездим.

– А давай Кольку возьмём с собой?

– Конечно, возьмём.

Мишка допил свой чай, сполоснул чашку и сел за стол, подперев кулаками подбородок.

– А с морем как, получается?

– Пока всё по плану.

– Колю отпустят? Ты говорил с его мамой?

– Говорил. Она не против.

– Ура, – прошептал Мишка.

– Будем надеяться... Ладно, поехал я.

Пока он шёл на стоянку за своим жигулёнком, думал о Наташе. Как она там одна? По голосу, по телефонным звонкам было понятно, что всё у неё в порядке. А вот он соскучился. По тонким ручкам и светлым волосам. По ней самой...

Надо отдать должное «Конструктору» – хоть Юрка и не любил торговые центры, купил он всё быстро и продавец магазина предложил ему установить бачок сегодня. Обратно он почти плыл по дорогам: снова полил дождь, дворники металась по стеклу и едва справлялись с потоками воды. Когда он подъехал к дому, дождь поуспокоился. Стало заметно светлее: гроза уходила. Вечер обещал быть хорошим для прогулок: из-за туч робко выглядывало солнце, превращая мокрый город в хрустальный умытый дворец.

Через час приехал мастер, и ещё час они возились с установкой. В ванной Юра моментально согрелся: от работы двоих там стало жарко. Поэтому он даже обрадовался, когда у него зазвонил телефон: повод выйти передохнуть. Юра взял мобильник и, подойдя к окну, распахнул его: он очень любил воздух после дождя – с запахом травы и свежих листьев.

Звонила Наташа. На этот раз голос у неё был тревожный. Или показалось?

– Юра, как вы там? Не звонишь, а я привыкла, жду уже. Вечер ведь! Вы не пошли сегодня на вокзал?

– Здравствуй, душа моя... Мы – отлично. Небольшие приключения, но всё уже сделали.

– Какие приключения? – забеспокоилась Наташа.

– Обыкновенные. Дождевые. Я тебе потом расскажу, – сейчас совсем не хотелось вдаваться в подробности. – Как ты, пушинка?

– Я бегемот, а не пушинка. Хотя, кажется, уже ненадолго...

Юра придержал телефон.

– То есть?

– Ты знаешь, мне кажется, наш человечек решил появиться чуть раньше...

Он осторожно выдохнул.

– Ты же говорила, в конце июля.

– Юр, ну бывает же, что раньше. Я не уверена... Может, ещё стихнет. Но... Может, вы потихоньку приедете?

– Понял, – сказал Юра. – Мы выедем через час. Дядя Саша твой на связи, если что? Довезёт тебя?

– На связи. Юр, я буду ждать тебя, сколько смогу. Я не хочу одна ехать, – здесь она была уже спокойна и говорила твёрдо. – Юр, до нас на поезде восемь часов.

– Так это на поезде.

– На машине чуть подольше. Ну и что? Здесь фельдшер есть. Я позвоню ей. И буду ждать тебя. Слышишь? Юр, чего ты молчишь?

– Понял, – коротко ответил он. – Еду. Только ты это, Наташ... Мы ведь, наверное, не успеем... Смотри там! Береги себя! И телефон рядом положи, слышишь?

Через паузу она тихо ответила:

– Слышу. Приезжай!

Он положил телефон в карман, упёрся двумя ладонями в подоконник. С минуту стоял молча, ни о чём не думая. Потом закрыл окно и позвал Мишку:

– Садись, поешь, а я отнесу вещи в машину. Поедем в деревню.

– Сегодня? – обрадовался тот.

Он только кивнул. Отвечать не было сил. Он очень хотел быть рядом с любимой.

Глава 2

Рискованное путешествие

1

...Так бы я назвал его впоследствии. Но об этом позже.

Выехали мы вечером. Юра проводил мастера, мы оделись, взяли наши рюкзаки и, поторчав на светофорах в городе, помчались. Пробок на дорогах не было – наверное, оттого, что наступил вечер. Поэтому ехали мы быстро. Юра что-то насвистывал, а я смотрел в окно. Впервые на машине – и так далеко! Юра сказал, что наша деревня находится где-то в районе Кирова и ехать туда нужно всю ночь! Поэтому я взял книжку («Приключения Эмиля из Лённенберги») и Юрин плеер с наушниками, устроился поудобнее, снял куртку, ботинки и стал читать.

Я прочитал две истории: про то, как Эмиль надел на голову супницу и как его наказали за вечерний праздник и он мастерил в сарае человечков, – и понял, что едва могу разобрать буквы. Хотя за окошком только начинались сумерки. Лето, а солнца не видно из-за туч, поэтому кажется, что поздний вечер. Хотя было чуть больше девяти часов. Ещё через час стемнело совсем и за окошком стали мелькать фонари и фары приближающихся машин.

Мне казалось, что мы едем уже очень давно. А ехали часа два. Юрин телефон, который мы прицепили к подставке, превратился в навигатор и показывал, что нам осталось ехать пятьсот девяносто два километра. Это ещё три раза того, сколько мы проехали. Целая вечность.

– Миш, как ты? – Юра поглядел на меня в зеркало.

– Прекрасно!

– Не устал?

– Не... – мне нравилось ехать. Скорость, фонари, шум мотора. И – ожидание чего-то нового. – Юр, а что там за деревня?

– Деревня... Ну, лес, речка... Домики деревянные. Курочки, коровки...

– Ясно. А чего мы там будем делать?

– Чего-чего? Рыбу ловить будем, купаться, если с погодой всё сложится, гулять. Будем поить тебя молоком и кормить всякими натуральными продуктами.

– А ты удочки взял?

– А как же!

Я никогда не видел, как ловят рыбу. И даже не знал, что Юра умеет её ловить. Дела...

Помолчали. Потом Юра попросил:

– Миш, расскажи чего-нибудь...

Я призадумался. Чего ему рассказать?

– А то спать хочется. Тебе не хочется?

– Нет.

Я вздремнул дома, пока ждал его из магазина.

– Вот и отлично. Давай рассказывай.

– А чего рассказывать-то? Юр, расскажи лучше что-нибудь про себя. Почему ты захотел стать моряком?

Юра помолчал.

– Мы в детстве однажды ездили на море. С отцом. И я помню момент, когда впервые мы прокатились на катере. Кажется, это была «Комета», такие ходили в Ялте и Севастополе... Где и когда мы катались, уже стёрлось. Но вот ощущение... осталось. Когда ветер в лицо, и вода за бортом пенится, бурлит, и ты как будто летишь. Дух захватывает от скорости, от ветра, от

радости. Конечно, когда на велике гонишь, тоже дух захватывает. Но тут другое... И кругом всё синее-синее. Такое ощущение пространства... что оно огромное.

– А почему штурманом?

– Это, наверное, всё мотылёк.

– Какой мотылёк?

– Ну, – Юра вильнул рулём, обгоняя машину. – Однажды я потерялся в парке. Бегал за мотыльком, игрался. А потом смотрю: кругом деревья, папы нет...

– А нашёлся как?

– Да увидел просто. Сначала колесо обозрения, а потом и папу... Но вот, пожалуй, с тех пор и стало интересно. Как? Как найти дорогу, когда тропинки нет? В школе это называлось «ориентирование на местности», а в академии – штурманским делом.

– А тебе никогда не хотелось быть кем-то другим?

– Хотелось, конечно!

– Кем?

– Гонщиком, путешественником, космонавтом и даже зубным врачом.

– Ого! А зубным врачом-то зачем?

– Я их ужасно боюсь. Чтобы понимать, что с тобой делают, пока ты сидишь в кресле, открыв рот.

– Юр... Я тоже боюсь зубных.

Юра хитро посмотрел на меня:

– Только их?

– Нет. Ещё много чего боюсь, но зубные для меня – это страшный сон.

– Да ладно, Мишка! Сейчас такие аппараты, что просто чудо! Когда меня в детстве лечили, это было что-то: горячие бормашины, звери просто... А сейчас всё такое маленькое, аккуратное.

– А дальше, наверное, ещё лучше придумают! Юр, а твой брат... он кем хотел стать?

– Он хотел идти по стопам отца. Хирургом.

– Представляешь... – и я замолчал.

– Чего?

Я сказал уже совсем тихо:

– Ну... сейчас он бы уже где-нибудь работал... Наверное, хорошим был бы врачом.

Я увидел в зеркало, как Юра закусил губу. Он ничего не ответил.

Мы долго молчали, а потом я решился спросить:

– Юр, мы так собрались... И ты едешь быстро. Что-то случилось?

– Миш, всё в порядке. Просто у нас в семье скоро будет на одного человечка больше.

Совсем скоро.

Я помолчал, соображая. Если честно, за эти два месяца я совсем забыл, что у нас ещё кто-то будет. Мой братик или сестрёнка. Привык с Юрой хозяйничать и, хотя иногда скучал по Наташе, совсем не представлял себе жизни с малышом. Юрины слова вернули меня к реальности. Теперь я словно стоял перед дверью, не решаясь её открыть и боясь того, что за ней: хорошо ли, спокойно ли там? Понимая, что пути назад нет...

Интересно, каким он будет? Я мало видел младенцев. Может, пару раз в жизни. Сначала они маленькие и ничего не умеют. А потом как-то всему учатся. Сидеть, ходить. Разговаривать. Будет потом меня называть братом. Или... не будет?

Я завозился. Будет конечно! Я же рядом. Правда, всё равно боюсь: а вдруг меня разлюбят? Не, понятно, что с малышом больше возятся, я и не против, мне бы только, чтоб Юра по вечерам приходил и мы с ним разговаривали, как раньше. Тогда всё в порядке.

...Когда Юра остановил машину и мы вышли поразмяться, он сказал задумчиво и грустно, словно продолжая разговор:

– Да... Вот знаешь, что жизнь земной не ограничивается, что, быть может, им там спокойнее и лучше... А иногда накроет... И так хочется, чтоб человек был жив и был рядом! Эгоизм, конечно. Но – тяжело... Мне иногда кажется, что они не погибли, а вот-вот вернуться с вечерней электричкой...

Я взял его за ладонь. Она была тёплой-тёплой. В воздухе пахло дождиком и травами. Изредка нарушал тишину рёв мотора проезжающей по трассе машины. Когда она исчезала – было слышно, как ухает в лесу какая-то птица да как шелестят листьями высокие берёзы.

– Воздух здесь такой, что пить можно. Ну что, поехали, Мишка?

– Юр... Ты не грусти! Ты – живи.

Он прижал мою голову к своей куртке.

– Я стараюсь.

Если бы я знал, что он так расстроится, – ни за что бы его не спрашивал!

Некоторое время мы ехали молча. Юра иногда брал мобильник и что-то щёлкал кнопками, может быть, переписывался с Наташей? А я всё смотрел на тёмные деревья, на мелькавшие изредка фонари, на туман, который, словно молоко, заполнял овражки и лесные ложбинки... Мне казалось, что еду я не в первый раз, что так уже было, когда я был совсем маленький. Та же темнота за окном, тишина и гул мотора, только... Кажется, рядом были тёплые руки, которые обнимали меня... Мама?... И разговор, под гул мотора... Я еду, прижимаюсь к этим тёплым рукам, и дорога кажется длинной-длинной, и нет ей конца. Разговор успокаивает, и я – засыпаю. А сейчас я немножко замёрз, поэтому достал куртку и завернулся в неё. Сразу стало уютнее, и я задремал.

Но в машине спать неудобно. Голову некуда прислонить, она всё время сваливается, и от этого просыпаешься. Я откинулся на спинку сиденья, выставил колени, но – не помогло. Тогда я снова стал смотреть в окно и читать белые надписи – названия деревенок и рек, которые от наших фар казались светящимися в темноте.

Юра сказал:

– Мишка, ты отстегнись и ляг нормально. Здесь гаишники вряд ли будут останавливать.

– А если вдруг авария?

Юра мельком глянул на меня:

– Машин мало. Едем нормально, обгонов нет, с чего бы? Не волнуйся.

Я посидел ещё, раздумывая. Решил, что когда совсем захочу спать, тогда так сделаю. А пока посмотрю ещё, интересно всё-таки.

Пелена, стягивавшая небо, разорвалась на облака. И сквозь эти тёмно-серые клочья выглядывала большая, просто огромная серебряная луна. Когда облака исчезали – луна смотрела на нас и словно чуть усмехалась. Она была очень яркой и очень белой. Она занимала почти всё окошко машины, и я не мог отвести от неё глаз. Когда она скрывалась за тучами и снова выплывала – то казалась ещё ярче и белее, чем прежде. Словно эти клочки туч были кусочками замши, которой бабушка протирала серебряные ложки, и с каждым разом начищали её всё лучше и лучше, до совершенного блеска.

Мне она казалась живой.

– Юр, какая луна, а?

Юра ответил не сразу.

– Ого! Слушай, а я и не заметил даже... Какая огромная!

– Будто смотрит за нами, да?

– Подглядывает... Ладно, Мишка, она, наверное, сжалась над нами и решила поработать фонариком!

– Ничего себе фонарик! Прожектор с глазами!

Юра глянул в зеркало на меня.

– Она такая большая кажется из-за чистого воздуха. А ещё полнолуние... Не бойся. Это значит, что тучи кончились и утром, наверное, будет солнышко...

Я немного успокоился. Но мне всё равно было чуть-чуть тревожно.

Машины встречались редко. Мы обогнали их всего два раза. Иногда светили фарами встречные грузовики и легковушки. Секунда – и нет их. И снова мы едем одни.

– Юра, ты не устаёшь так ехать? Тебе спать не хочется?

– Пока нормально, Миш. Ночью хорошо, машин мало. Спать – да, немного хочется. Ты не устал? Может, остановиться?

– Не надо. Хорошо ехать. Юр, а ты давно машину водишь?

– Как она появилась, так и вожу.

– А выучился?

– На пятом курсе.

– Когда учился в академии?

– Ну да. У нас рядом автошкола открылась. А мне давно уже хотелось выучиться, только вот останавливало, что машины нет. А летом Валерий Алексеевич сказал, что у него товарищ по работе машину продаёт за символическую цену... Даром, одним словом. Для первой поры, говорит, хорошо, ездит она ещё нормально, а если вдруг где поцарапаешь или поломаешь – не жалко будет, да и отремонтировать её дешевле, чем иномарку. Мне, конечно, всё равно жалко было, если я столбики где-нибудь зацеплял или когда бампер оторвал однажды... Да... А тогда я обрадовался и сразу пошёл учиться. Правда, экзамен сдавал столько же, сколько учился.

– Почему?

– Так... Ловили на всяких мелочах. Спрашивали по всем правилам. В общем, с четвёртого раза сдал. Когда уже надеяться перестал. И, счастливый, поехал за машиной.

– И обратно – уже на ней?

– Да. Я с ней очень подружился... Хорошо, что тогда послушался мудрого человека и получил права, а то сейчас и дольше учатся, и дороже. Да и опыт как-никак есть для таких путешествий.

– Ты не боишься ездить?

Юра пожал плечами:

– По Москве боюсь. С первого раза напряжение осталось, да и пробки не люблю. А так, чтоб вот прям страшно за руль садиться, – нет. Иначе бы не ездил.

– Мне с тобой спокойно ехать...

Он улыбнулся.

– Это хорошо.

Я тоже любил наш жигулёнок. Наверное, на такой машине ездил каждый. Сейчас они, как дедушки, степенно двигались за иномарками, не пытаясь их обогнать, а ведь когда-то такие машины были первыми среди «ласточек» и «москвичей». Я любил его именно за то, что он был «дедушкой». В нём всегда чуть-чуть пахло бензином – Наташе запах не нравился, она говорила, что её от этого укачивает, а для меня он стал запахом путешествий. Ведь впервые я именно в жигулёнке поехал с Юрой в соседний город, знакомиться с его другом. А до этого ездил только в автобусах...

В машине ты – как хозяин. Хочешь открыть окно – нужно крутить пластмассовую ручку. Хотя сейчас во всех такси, которыми случалось нам пользоваться с Наташей или Юрой, работали электрические стеклоподъёмники. В нашей машине, чтобы открыть дверь снаружи, – нужно было поработать ключом! Юра рассказывал, что зимой, когда резко холодало, он бегал

домой кипятить чайник и лил горячую воду на дверь, чтобы её разморозить... Понятное дело: людям-то зимой неохота на улицу выходить, а уж машине-то, особенно старенькой, – тем более.

Зато кресла внутри были очень удобными. Бархатистая серо-коричневая обшивка местами протерлась, но она была приятной и мягкой. В магнитофон вставлялись кассеты, на многих из них пел под гитару Юра. И ещё мне очень нравился рычаг переключения передач: набалдашник у него был прозрачный, с рыбками внутри. Такого я ни в одной машине не видел!

Да и переключался он плавно, хорошо. В прошлом месяце мы несколько раз выезжали вечером на площадку, где учатся водить машину. Время было позднее, ездили мы по понедельникам – как раз когда там никого не было. Юра рассказал мне, где какие педали, я выучил, где газ и тормоз, как пользоваться сцеплением. Научился переключать первую и вторую передачи. Тормозить, конечно же. И немножко поворачивать, но рулём мне было сложно пользоваться: очень уж тяжело его крутить. Юра говорит, что с гидроусилителем руль крутить легче. А у нас его не было и приходилось трудиться. У Юры мускулы были – ого-го!

– Юра, а ты в машине так накачал мускулы?

Юра засмеялся. Он редко смеётся, но я так люблю его смех! Так спокойно становится, когда его слышишь.

– Конечно, в машине, а где же ещё! И мускулы, и терпение... Всем желающим привести себя в норму – вместо абонеента в фитнес-центр – приобретайте «Жигули»!.. Шучу. Нет, Мишка, не в машине.

– А где?

– Занимался иногда в качалке. Ещё в школе...

– Чтоб красивым быть?

– Не, тогда другие задачи стояли. Это сейчас иногда выбираюсь, чтобы не развалиться.

– Ты дрался, что ли?

– Иногда приходилось. Ну и мне хотелось, чтобы в армию взяли, в военно-морской флот. Хотелось мечту осуществить пораньше.

– Ты и в армии был?

– Да.

– И как оно там?

– Нормально, Мишка. Жить можно.

...Мы бы и ещё, наверное, поехали по площадке, да начались дожди. Иногда мне снилось, как я веду машину. Как выезжаю на дорогу и тут понимаю, что совсем не знаю правил движения! И еду аккуратно, потихоньку, а потом выезжаю на поворот и – просыпаюсь от страха. Я же не знаю, куда ехать!

– Так, где-то под Нижним была заправка, – пробормотал Юра, поглядывая в телефон. – Да, точно, двадцать километров.

Он повернулся ко мне, сказал погромче:

– Мишка, сейчас будет остановка. Бак почти пустой. Заодно разомнёмся маленько.

– Хорошо! Можно чаю попить!

– Давай.

Мы ещё немного проехали, и Юра остановил машину. Ярko горели белые фонари. Скрипели фуры.

– Посидишь?

Я кивнул. Юра вышел из машины, чтобы оплатить бензин. Неспешно подошёл заправщик, вытащил кран и сунул его в бак. Сильно запахло бензином, хотя стёкла были закрыты.

Через несколько минут вернулся Юра, отъехал и остановился с торца здания. Я взял рюкзак с едой, и мы пошли в кафе.

2

В кафе-магазине было светло, после тёмной дороги этот свет резал глаза. Идти было непривычно: от долгого сидения затекли ноги. Я понял, что хочу есть и спать.

- Тебе чего взять?
- Возьми какао.
- А покушать?
- Так у нас же бутерброды есть!
- Ты только бутеры будешь?
- Так они же вкусные!

Когда уехала Наташа, Юра взялся печь хлеб. До этого пекла она, и у нас дома всегда пахло свежей выпечкой. Наташа делала всякий: и мягкий пшеничный, и сдобные пирожки-булочки, но особенно вкусным был ржаной. Я резал хрусткую корку остывшего уже, но свежего хлеба и, перед тем как съесть, подносил горбушку к лицу и вдыхал кисловатый запах. Что это был за запах! Перед моими глазами сразу вставало поле с золотистыми колосками. Шелестела листьями берёзка, грело солнышко... Это был запах тёплой земли, свежих трав и лета. Я сыпал на горбушку соль и съедал её просто так, часто забираясь с книжкой на диван. Потом шёл и отрезал вторую, с другого бока.

Юра тоже умел печь такой хлеб, почти такой. Почти – потому что он у него получался попожаристей, чем Наташин, более тёмный и не такой кислый. Но всё равно очень-очень вкусный. Вот с таким хлебом были у нас бутерброды, правда, без масла: оно закончилось, и мы его купить не успели, а просто нарезали сыр и положили его на хлеб.

- Ты пока сходи руки вымой, – сказал Юра.

Когда я пришёл из туалета, Юра уже ставил на стол поднос с двумя большими чашками и вазочкой с мороженым: мне он взял какао, а себе – большую чашку кофе.

- Я не удержался, – сказал он. – Не замёрзнешь?

– Моё любимое, шоколадное... – прошептал я от неожиданности. – Юр, спасибо! А ты же кофе не пьёшь!

- Иногда приходится... Ну и где наши бутерброды?

Я вытащил «богатство» на стол. Бутерброды я запивал горячим какао, поглядывая на мороженое и жалея, что у меня нет ещё одной руки и второго рта. Юра взял себе один бутерброд, пил кофе и что-то смотрел в телефоне.

– Здесь интернет есть, бесплатный, – пояснил он. – Область кончилась, и у нас роуминг. Подключу себе сразу все бонусы и скидки, заодно загружу карты.

- Угу, – я принялся за мороженое. – А как там Наташа?
- Писала, что всё в порядке... Сейчас не будем звонить – вдруг спит? Время-то уже...
- А сколько сейчас?
- Половина первого. Ты как?

Я был в замечательном расположении духа. О чём я и поспешил сказать Юре. Вкусное какао, вкусное мороженое, вкусные бутерброды, моя любимая шоколадка со сливочной начинкой... Сейчас бы обратно в машину и – поспать.

Пока Юра разбирался с картами, я рассмотрел заправку. Здесь было много столиков, большие стеклянные витрины со сладостями, несколько прилавков с конфетами. Это сейчас, ночью, хорошо перекусывать, а днём-то когда едешь, захочется нормально поесть. Хотя, может, у них есть что-нибудь посытнее пирожных.

За высокими окнами было темно. Людей в кафе, если не считать продавцов, почти не было: ещё мужчина и женщина сидели за столиком, который стоял за нами. Пахло кофе, бензином и хлебом. Я пока не знал, что эти запахи будут мне напоминать о дороге.

Она, дорога, наверное, бывает разной. На машине, пешком, на электричке или в метро... Главное, это такое время... Когда ты идёшь, и конечная точка где-то вдалеке, и там тебя обязательно кто-то ждёт.

Юра сидит в телефоне, хмурится, я даже не решаюсь заговорить с ним. А ему нравится путешествовать?

После еды ехать стало веселее. Луна пожелтела и опустилась ниже, и теперь, чтобы увидеть её, – нужно было смотреть назад. А впереди, в тёмном небе над верхушками деревьев, проглядывались огоньки звёзд. Я осторожно отстегнул ремень безопасности, под голову положил рюкзачок с книжкой и стал смотреть в окно снизу вверх. Звёзды казались мне добрее, чем луна. Они, словно маячки, улыбались нам из бездонного космоса. В полотне неба – маленькие дырочки, из которых сочится свет... Я укрылся курткой и заснул.

3

Юра засыпал. Глаза как-то сами собой слипались, и он проваливался в короткий сон. Реальность казалась ненастоящей, полупрозрачной. Равномерная езда и гудение мотора убаюкивали. Кофе немножко взбодрило, но этого действия хватило на два часа. Хорошо, что половину дороги Мишка с ним разговаривал: это немного отвлекало. А когда он притих и стал чуть слышно посапывать, Юра понял, что мальчик уснул. Чуть сбавил скорость и стал ехать внимательнее: Мишка отстегнулся и улёгся на сиденье.

Тьма медленно сменялась предрассветными сумерками. Встречные фары уже не так слепили глаза. Но машину пока окутывали темнота и тишина. Этаким скафандр, располагающий к погружённому в себя состоянию. А ему, этому состоянию, следовать ни в коем случае нельзя. Нужно, наоборот, полностью быть здесь и сейчас.

Постепенно фиолетовые полутона растворялись в предутренней зорьке. Белый туман густыми облаками поднимался над лесными речками и заполнял короткие участки дорог. На этих участках совсем близко появлялись огни встречных машин – почти сразу за шумом колёс.

Сказывалась накопленная за день усталость. Ему и раньше с трудом давались ночные дежурства – перед ними Юра обычно ложился поспать днём на часок-другой. Тогда всё было отлично, и он спокойно сдавал вахту утром, а иногда к обеду. Но даже если не получалось поспать – часов до пяти обычно он держался. А сейчас было тяжело. То ли от постоянного напряжения на трассе, то ли от монотонной езды, то ли от тишины, то ли – от всего вместе.

Он снял куртку и приоткрыл окно. Стало чуть легче. Включил в телефоне утреннее правило, затем музыку. Читал и рассуждал над названиями деревенок и рек. Забавные они попадались: Тарасиха, Забегаиха – женские такие; деревенские бабушки в передниках представлялись. Или взять Разливайки и Малое Лопатино – действие в названии. Кто и как их придумал? Река Уста... Красивое, будто имя. Вообще, если поехать по России, можно любоваться этими названиями: простыми, сердечными и в то же время словно рассказывающими повесть о жизни простых деревенских людей. Взять трассу на Петербург, с его глубоко русскими Ижицей, Чудовым... Древним озером Ильмень. Островом Валдай. Кругом лес и озёра. Домики старенькие, полузаброшенные, как и здесь, одиноко грустят на обочине. А когда-то – детский смех, посиделки на лавочках, стук топора. Густой ярко-оранжевый закат...

Города наступают. А душа тоскует по деревне. Чуть отъедешь – петь хочется. И резче видна граница между главным в жизни и не очень... Хорошо, что они сюда выбрались. Мишка, так он вообще дальше области ещё не выезжал. Да и сам он разве был в деревне-то?

Не был. Пожары не в счёт. Только по рассказам и книгам знал о трудной, но привольной жизни. А ведь хотелось, хотелось попробовать – как это, жить на своей земле? Может, и не зря уехала Наташка, не вовремя, конечно, но кто знает, когда ещё будет у них такая возможность?

Хотя рано ещё говорить. Сперва нужно добраться. Потом... Ох, Наташка, Наташка... Хоть бы всё сложилось благополучно. Хоть бы успеть! Она ведь ждёт, надеется... Поэтому нельзя спать, ни в коем случае! Держись, жигулёнок, не подведи, мотор! Хорошо, что в начале лета он прошёл техосмотр – машина в ходу, ехать спокойнее.

Лес, окружавший дорогу с двух сторон, сменился полями, дремлющими в ожидании расвета. И, как Юра ни старался, – сон брал своё. Теперь он понимал, что засыпает, только когда его голова опускалась. Тогда он вздрагивал и крепче сжимал руль. От этого машина, чувствующая каждое его движение, чуть смещалась в сторону, Юра выравнивал ход и, поморгав, снова всматривался в серый асфальт – залатанный, щербатый... Он открыл окно ещё шире, а курткой накрыл Мишку. Стало холодно, и сон на какое-то время снова отступил. Юра очень надеялся, что скоро откроется «второе дыхание» и спать расхочется.

Но оно не открывалось. Через какое-то время ему стало уже не холодно. Затекла спина, и ныло где-то глубоко в груди, но это его особо не беспокоило: он всеми силами боролся со сном. Было обидно: осталось каких-то три часа, и они у Наташи! Утро вступило в свои права, туман спал, дорогу видно хорошо. Снова лес: ёлочки – зелёные, бодренькие, с острыми верхушками, вытянулись вдоль дороги, словно солдаты. Солнце – король, командир, которого они прикрывали, – растянуло золотую пелену по голубоватому небу. Ещё немного, и покажется из-за верхушек его золотая корона, и конец ночи, конец царству сна – да здравствует жизнь, прозрачное небо, пение птиц и голос любимой!

Но сон, как тёмный рыцарь, накрывал с головой и тащил к себе. Сил сражаться с ним оставалось всё меньше. Теперь от реальности оставался совсем маленький кусочек и умещался он в жёстком ободке руля, который сжимали руки. А оставшееся пространство заполнял туман – вроде того, что был на ночных речках: густой, прохладный. Окунуться в него, чтоб прийти в себя?

Сон – не сон. Туман редет, рассыпается на мелкие снежинки, и вот они с Мишкой уже едут к Денису, за окном белая пелена всё гуще – да это же метель! Куда они едут? Какой сейчас день? Такой снег – не иначе как декабрь или февраль, а что же лето? Лето, наверное, ему приснилось, далеко до лета. И Мишка о чём-то очень громко спрашивает его...

– Да! – отвечает Юрка и вздрагивает.

Встречная легковушка, шум колёс. Грохот...

– Господи...

Выровнял руль. Выдохнул.

– Жесть какая-то.

Сбавляя скорость, мягко подъехал и притормозил у обочины. Сердце медленно стучало, словно падало в глубокую дыру.

– Всё, хватит! – откинулся на сиденье, отдышался и – провалился в сон.

Но не тут-то было.

– Юра! – зовёт Мишка. Опять! Нет-нет, теперь он не поддастся: надо хоть немного поспать, иначе они не доедут... Ни к Денису, ни к Наташе, никуда...

– Юра!

– Чего? – каким-то краем сознания Юрка понял, что надо отозваться и, с трудом выдернув себя на поверхность реальности, обернулся. Как же затекла спина – словно он в рыцарских доспехах. Так, что в груди всё уже болит...

Миша сидит, куртки откинута: проснулся, ёжится. Книжка в руках.

– Юра, давай ты ляжешь, а я впереди пока посижу. Я всё равно уже поспал, посижу, прочитаю.

Отказываться нет сил, да, наверное, и не к чему.

– Ладно, давай. Если через час не проснусь – буди! Слышишь, Мишка?

– Да, конечно!

Вытянулся на заднем сиденье, прислонив ноги к спинке, и – тут же вырубился.

4

Кажется, Юра что-то сказал, и я проснулся. Машина тормозила, и я подумал, что мы уже приехали, но, когда сел и глянул в окошко, понял, что нет. Я позвал Юру, чтобы спросить его, где мы, но он не откликнулся. Тогда я приподнялся и увидел, что он спит. Голову на сиденье откинул, а она набок наклоняется, сейчас сползёт, и он проснётся. Бедняга! Он ведь всё это время ехал, пока я спал! А ведь уже утро, совсем светло... Я потянулся – хорошо всё-таки путешествовать! Кругом красота такая, и небо чистое, от дождя мы уехали! И скоро, скоро будем в деревне! Ура!

Я снова глянул на Юру. И тут меня осенило: пусть лучше он поспит на моём сиденье, сидя ведь спать совсем невозможно, это я понял ещё ночью!

Не сразу, но мне удалось разбудить его. Я пересел на переднее кресло и стал читать. Читалось недолго. В машине было очень тихо, непривычно тихо после шума мотора. В лесу пели птицы. По очереди перекликались разными голосками и трелями, и всё это складывалось в нежную утреннюю мелодию. Вокруг ёлки, высокие, стройные. Их зелёные верхушки уходили в голубое небо.

По обочинам дороги росла высокая трава и синие цветы. В окно с тонким назойливым писком стучались комары. Один летал возле меня. С невообразимым грохотом пронеслась встречная машина. Я вздрогнул, потом оглянулся – Юра спал. Почему так громко? Я скосил глаза на окно возле соседнего кресла. Она было открыто.

Понятно, откуда комары.

Я отложил книжку и, тихонько перебравшись на водительское кресло, покрутил ручку. Всё, теперь мы словно в скафандре. Ну и пусть. Зато без комаров и без грохота – Юра хоть поспит.

Я погладил руль и привстал, собираясь пересесть обратно. Но чуть задержал на нём руку. Его твёрдая бугристая рукоятка была ещё тёплой, наверное, от Юриных ладоней. Я взялся за руль другой рукой, закрыл глаза, представив, что нажимаю и плавно отпускаю сцепление, одна рука на рычаг, газ, и я медленно набираю ход. Нет, надо чуть крутануть его влево, чтобы выехать на дорогу, затем фиксирую руки, снова сцепление, переключаю на вторую передачу... И – помчатся мимо меня зелёные ёлочки и синие цветы.

Зачем я это представил?

Потому что следующая мысль, которая пришла мне в голову, заставила меня повернуть ключ и крепче взяться за руль, чтобы, выехав на дорогу, удержать машину между двумя белыми полосками: пунктирной и сплошной.

Ого! Я ехал по трассе и сам удивлялся, даже ужасался тому, что я сделал. Когда я переключил скорость на вторую передачу, мне стало казаться, что наша машина просто летит. Стало страшно – аж дух захватило, и я вцепился в руль. И сам не заметил, как привык к скорости, мелькнула мысль, что мы еле тащимся. Но переключать на следующую передачу я не рискнул.

Пусть хоть так. Зато мы чуть ближе будем к деревне, где Наташа. А то Юра так торопится к ней, видно же, хоть и молчит. Он, когда переживает, становится очень бледным, чуть сжимает губы и меньше разговаривает. И глаза у него большие очень, просто огромные... А когда думает, чуть закусывает нижнюю губу. А если смеётся – глаза у него светятся, и в уголках их появляются лучики.

На нём лица не было, когда я его разбудил – такой он был уставший. Я обещал разбудить его через час, а сейчас мне его стало жаль. Может, я хоть немного проеду – до первого поворота, ведь дороги я дальше не знаю. Машин пока мало, хотя и побольше, чем ночью.

Нас обгоняли, и не один раз. У встречных машин горели фары. Я их очень боялся, встречных, и сдерживал себя, чтобы не зажмуриваться. Потом успокоился. С чего бы им врезаться в нашу машину? Пусть себе едут, я на встречную полосу не выезжаю, у людей свои заботы, у меня – свои. В случае чего – тормоз есть.

Кругом был лес. Сама дорога была не ровная, как раньше, а с мягкими спусками и подъёмами. Солнышко рассыпало свои лучики сквозь ёлочные верхушки. Я и не заметил, как оно вошло.

Время исчезло. Оторвать взгляд от дороги я не мог. Хотя немного устал от серого асфальта. Моргал и снова смотрел вперед.

Жигулёнок пел свою любимую песню, мотор гудел ровно и спокойно. И мне было спокойно и даже весело, что я сам еду и даже помогаю Юре. Правда, я совсем не подумал, что он мне скажет, когда проснётся... А когда подумал, то заволновался. Не хватало ещё, чтобы он расстроился! Ну, может, он не расстроится, а наоборот, обрадуется? Главное – никуда не вляпаться. Я ещё чуток проеду, а потом остановлюсь и разбужу его. Он, наверное, удивится, где мы. И тогда я признаюсь, что немножечко поехал, не удержался...

На знаки я смотреть не успевал. А зря. Иначе б затормозил!

Впереди показалась полянка с небольшой синей будкой. До меня не сразу дошло, что это за будка, а только когда стоявший перед ней мужчина в жёлтом жилете и фуражке махнул мне полосатым жезлом.

– Ёлки-палки! – вырвалось у меня; несмотря на это, я плавно нажал на тормоз, сворачивая к обочине, и остановился – в аккурат возле двухэтажного домика с надписью «ДПС».

5

Даже во сне он ехал. Ехал – и не мог найти Наташину деревню. Мишка устал и, не отрываясь, смотрел в окно, читая вслух надписи. А он искал её на карте и не находил, вылезал, спрашивал у местных жителей дорогу и – снова садился за руль. Ему казалось, что деревню они не найдут никогда. И, чем больше Юра это понимал, тем больше волновался за Наташку и тем сильнее давил на газ. И машина разогналась до такой скорости, что он уже не мог читать надписи на указателях, стал сбавлять ход и вдруг увидел название, кажется, то самое. Впереди показались деревянные домики, небольшой белый магазинчик, лошадь с телегой, и Юрка нажал на тормоз, чтоб спросить у мужика возле телеги, как подъехать к Наташиному дому. Нажал, пожалуй, слишком сильно, потому что Мишка, сидевший на заднем сиденье, закричал: – Ёлки-палки!

Машина остановилась. Наконец-то! И стало очень тихо.

Что-то здесь было не так – он почувствовал, едва уловил сквозь быстро таявший сон.

Открыл глаза и моментально сел, увидев впереди испуганного Мишку.

Пожалуй, сильно испуганного, таким он его никогда не видел. И самое главное – Юра поморгал – мальчонка сидел на водительском кресле. Точно. Не сон. Машина стояла напротив поста ДПС. Переднюю дверь открывал гаишник.

Юра вышел, не дожидаясь, пока он заглянет в машину и начнёт спрашивать.

– Пройдёте, – мужчина махнул в сторону поста.

Через стекло увидел Мишкины глаза – большие и очень тревожные, попросил мужчину:

– Можно, я ребёнка возьму?

Тот кивнул.

– Выходи! – велел он Мишке.

– Юра, я... Я не хотел... Так получилось, понимаешь... Случайно почти, – сбивчиво заговорил Миша.

В кармане завибрировал мобильник. Гаишник открыл дверь, пропуская их вперёд.

Сколько лет Юра водил машину, ни разу ему не приходилось бывать в столь нелюбимом водителями месте. Очень редко штрафы приходили к нему на почту, и лишь однажды его оштрафовали на улице, в Москве, когда он свернул с Садового кольца там, где съезд был запрещён. Тогда его моментально тормознули: был день города и на дорогах всюду стояли «стражники», – он отдал последние деньги, чтобы расплатиться. Это было на пятом курсе: он только-только начинал водить машину и Москву автомобильную не знал совсем. Он ехал от Дениса и увидел, как возле станции электричек ловила такси женщина, молодая мама, с двумя малышами, увидел и – не смог проехать мимо. «Куда вам?» – «В Москву, в центр, я плохо знаю, как туда ехать. А электричка будет только через полчаса!» Она, кажется, очень торопилась, потому что в глазах стояла отчаянная просьба. «Садитесь» – предложил он. Они сели и, как ни странно, не шумели: самый маленький уснул, девочка постарше смотрела в окошко. А женщина смотрела в телефоне карты и пыталась подсказывать ему улицы. В этом не было надобности: они весь центр исходили с Денисом пешком, а вот как проехать к какой-нибудь из них на машине, оставалось загадкой. Добрались до Садового; как съехать с него – он не знал. Когда они во второй раз проехали мимо башни на Павелецкой, женщина сказала: «Нужно здесь поворачивать, по картам...» – и он повернул, потому что ему надоела эта карусель и вдобавок бензин был на исходе... Она тогда предлагала деньги и долго извинялась...

Было в этой ситуации два плюса: во-первых, гаишник объяснил ему, как проехать, а во-вторых – Юрка понял, что в Москву можно ехать лишь в том случае, если ты досконально изучил карты. Очень ценный опыт для новичка.

Гаишник некоторое время молча смотрел его права, потом поднял на Юру глаза – серые, уставшие. Снял фуражку, поправил седые волосы. Хрипловато спросил:

– Далеко едете?

– До Оричей. Отдыхать.

– Отдыхать? – он покачал головой, нахмурился. – А зачем мальчишку за руль посадил?

Юра хотел было ответить, но тут подал голос Мишка:

– Это не он, я сам! Я хотел попробовать...

– Что попробовать? – сердито спросил мужчина, глянул на мальчика и снова стал смотреть на Юру.

– Как едет...

– А откуда ты знаешь, как едет?

– Я его учил на площадке, – сказал Юра. – Но про трассу разговора не было.

– Учил, значит? Ну-ну... Чего делать будем? Подсудное дело...

– Ой, пожалуйста, не надо! – Мишка даже подскочил. – Вы что! Это же я, из-за меня, я не буду больше!

Гаишник усмехнулся и чуть покачал головой. Потом наклонился и выдвинул ящичек, вынул оттуда два белых листа, один протянул Юре, другой положил перед собой.

– Пишите... – он отодвинул стул, чтобы сесть, но не успел: дверь с другой стороны кабинета открылась.

Вошёл худой высокий мужчина, средних лет, тоже в полицейской форме, с тремя звёздами на погонах. Кивнув на Юру с Мишкой, спросил у гаишника:

– Сергей Сергеич, стряслось чего?

– Да ничего, Николай Петрович! – воскликнул Сергей Сергеич. – Дожил до счастливых времён! Мальчишки за рулём ездят!

– Какие мальчишки? – Николай Петрович кивнул на Юру. – Он, что ли, у тебя в мальчишках? Ему можно.

– Да нет, он! – Сергей Сергеич кивнул на Мишку.

– Он? – удивился Николай Петрович и, подойдя вплотную к столу, взял Юрины права. – Так-так...

– Николай Петрович, моя смена не появилась?

– Нет, Никита спит пока. Вы ступайте на дорогу, я разберусь.

– Отлично! Скорость не превышали, сорок к-м... Николай Петрович, белая «Мазда», пятьсот тридцать один, верно?

– Верно-верно. Лучше всех тормозите. Белая – ни о чём.

– Понял.

– Идите, – кивнул Николай Петрович и обратился к Юре. – Юрий Алексеевич – вы?

Юра кивнул.

– Так-так... – он снова заглянул в права. – Четыре года стаж... Ух ты! – вдруг обрадовался он. – Ну, Сергей Сергеич... Как это он так, земляка поймал! У меня друг в вашем городе живет, Валерка. Сто лет его не видел!

– Случайно, не Алексеевич? – зачем-то сказал Юра.

Николай Петрович прищурился. Настороженно произнёс:

– Случайно – да. Сокурсник мой, правда, он ушёл из полиции... Сейчас работает в поисковом отряде.

Юра поднял брови.

Николай Петрович вздохнул:

– Я всё к нему никак не выберусь. Сынишку его хотел повидать, он сейчас, наверное, в университет поступил...

– Заканчивает юридический, – осторожно поправил его Юра. – И собирается жениться.

Николай Петрович опустил руки. Нахмурился. Покачал головой.

– Не может быть! Они вроде недавно ко мне приезжали, Сашка в шестой класс перешёл... Валерка тогда уже занялся поисками, разыскивал его ровесника, Антона, кажется. Да, Антона...

– Антона? – снова удивился Юра. – Это который из детдома сбежал?

– Точно. Его. Вдвоём с малышом они были, со Славкой. Его я хорошо помню. Отчаянный малыш. Если бы они от меня не сбежали, я бы его усыновил. Этим товарищам я многим обязан... Где-то они? Так и стоят перед глазами.

Юра вдруг почувствовал, что стул для него слишком маленький и тесный. Николай Петрович внимательно посмотрел на него.

– Что-то знаете о них?

– Славка нашёл родителей и уехал к ним, на Север. Сейчас перешёл в десятый класс. Обожает гитару, слух у него неплохой. Гоняет на лыжах, даже места призовые занимал по району. Антон учится в Москве, на богословском факультете. Они так же, всегда вместе, если Славка выбирается в Москву.

Николай Петрович сел на стул.

– Послушай, Юра... Можно я на «ты»?

– Можно.

– Ты говоришь какие-то невообразимые вещи. Всё это было бы забавно, если бы не было похоже на правду... Но Славка-то такой один, это точно. И Валера...

– У него волосы рыжие, – сказал Юра. – И глаза необычные, тоже рыжеватые, чуть коричневые. Карандашин фамилия...

– Точно-точно! – Николай Петрович покачал головой. – Вот ведь... Да-а, если задуматься... Это у меня здесь годы сливаются в один и время летит со скоростью секундной стрелки... Сколько же лет назад это было? Если посчитать... Восемь или девять.

– Десять, – тихо поправил его Юра. – Я тогда окончил школу и уезжал в армию. В поезде мы и познакомились со Славкой-путешественником, а потом он исчез. Спустя год встретились, случайно. Его приёмный отец близко общался с Валерием Алексеевичем и приезжал к нему в гости с семьёй.

– Ещё бы они не общались! Я так понимаю, это отец Антона забрал Славу к себе?

– Да. Славка год жил у него.

– Хорошие они, мальчишки... Сейчас, наверное, я бы их не узнал... А я так и не выбрался к Валерке... Тогда вот забросило их ко мне, и мы славно посидели. Конечно, тогда то, что случилось, казалось мне ужасным: мальчишки пропали, никаких следов, я виноват, упустил их. И отец его, потерянный такой, и я понимаю, что всё из-за меня... А сейчас я мог бы сказать, что те дни были одними из счастливых... Потому что... Понимаешь, Юра, стареем мы, а в друзьях нуждаемся так же, как в молодости, – Николай Петрович обхватил руками голову. – Работа, работа... Со годами её не убавляется. А всё не главное, не нужно это. А нужно что?

Он упёрся взглядом в Юрку. Глаза его, внимательные и тёмные, казалось, давно искали ответ – и не находили, мелькало в них какое-то отчаяние.

– Что? Ты знаешь?

Юрка вздохнул, глянул на Мишу.

– Для меня сейчас – это быть рядом с теми, кто в тебе нуждается. Но это, – он улыбнулся, – вероятно, тоже не главное.

– Ладно... – Николай Петрович сложил права, протянул их Юре. – Чего смотришь? Бери. Что у вас стряслось?

Миша не дал Юре ответить. До сих пор он молчал, а теперь заговорил, взволнованно, но уже спокойнее, чем раньше.

– Николай Петрович, это я виноват! Я предложил Юре поспать на заднем сиденье, а сам сел впереди, потому что выспался. Хотел окошко закрыть, пересел на водительское кресло, а потом думаю: чего не поехать, мы же торопимся... – он запнулся и посмотрел на Юру.

– Торопитесь? – переспросил Николай Петрович.

– Есть немного, – ответил Юра, убирая права в нагрудный карман. – Супруга у меня рожает, вчера позвонила, вот мы и выехали. Я стал за рулём засыпать, остановился, решил передохнуть...

– Ох, ёлки... А мы тут сидим, болтаем... Ладно, сейчас вас отпущу... – Николай Петрович наклонился, скрипнул шкафчиком. Поставил на стол печенье в пластиковой коробочке. – Будешь? Как звать тебя, юный водитель?

– Миша. Спасибо... – тихонько ответил Мишка и взял одно печенье.

«Голодный, – подумал про себя Юра. – Совсем я замучил мальчишку».

– Сын? – спросил у Юры Николай Петрович.

– Сын.

Мишкино лицо чуть дрогнуло.

– Счастливые вы... Даже не представляете, какие счастливые... – Николай Петрович поднялся. – Минутку подождёшь?

Юра кивнул. Николай Петрович вышел.

- Юра, – прошептал Миша. – Юра, почему он нас не отпускает?
- Не знаю, – вполголоса ответил Юра. – Права отдал, значит, всё нормально.
- Юр, ты на меня не сердишься?
- Сержусь, конечно! Мишка, ты балда! Ты хоть понимаешь, что могло быть?

Мишка уставился в пол. Пробормотал:

- Но ведь не было же... Всё обошлось. Даже права вернули...
- Да ладно с ними, с правами! Ты мог разбиться!

Мишка покачал головой. Упрямо так. Юре отчаянно захотелось дать ему подзатыльник – встрёпанной этой непослушной макушке. Вместо этого он встал, положил руку ему на спину, провёл по волосам...

- Ох, Мишка ты, Мишка...
- Хотя чуть ближе проехали...

Юрка вздохнул. Беспокойство за жену стягивало грудь железным кольцом. Он полез в карман за телефоном.

Вошёл Николай Петрович, неся в руках две дымящиеся чашки.

- Всухмятку что за еда? Пейте. И ты еле сидишь. Вас довезти или справишься?
- Справлюсь, – Юрка отхлебнул из чашки. Сладкий чёрный чай, сто лет уже его не пил, а сейчас очень кстати! – Я уже совсем проснулся.
- Тогда с Богом! Может, свидимся ещё... Порадовал ты меня.
- Порадовал?
- Конечно. Восточку от друга передал. Нет, надо к нему съездить. Сколько можно работать?

– Спасибо вам! – улыбнулся Юра. – И за чай, и за всё! Как-то спокойнее стало, хотя, вы уж не обижайтесь, – часто бывает наоборот. Валерий Алексеевич тоже исключение... Даже удивительно.

– Это для тебя так. Исключение. Но ты это... смотри у меня, – Николай Петрович пригрозил пальцем. – Мальчонку рулить научил? А зачем?.. Сперва дорасти надо. У нас в деревне тоже чуть ли не младенцев за руль сажают, я слышал. А куда торопятся? Конечно, так раньше привыкают, но правила-то всё равно учить нужно. Реакция другая... И аварий, увы, меньше не становится.

– Я не буду больше... – снова сказал Мишка.

– Не будет он. А ты в другой раз – чтобы выпался как следует перед дорогой! Валеру увидишь, передавай привет.

– Передам. Знаете, он ведь весной как-то вас вспоминал. Я теперь понял, про какого он Колю говорил. Может быть, доберётесь до нас...

– Постараюсь, – почему-то грустно откликнулся Николай Петрович. Закрыв коробочку с печеньем, протянул её Мишке. – Доешь по дороге.

А Юре сказал очень тихо, когда Мишка отошёл к дверям:

– Сына-то береги!

Он кивнул. Защекотало в горле.

6

Жигулёнок наш так и стоял перед постом ДПС. Если бы машины были живыми, я бы сказал, что он загрузил. Повернул вбок колёса и чуть виновато скособочился перед солидным зданием. Он не знал, что нас отпустили.

Я открыл дверь, влез на заднее сиденье. Как домой вернулся! Юра пожал руку Николаю Петровичу, сел. Мы медленно стали отъезжать, и я, забравшись на кресло с ногами, глядел в

заднее окно: полицейский стоял прямо, чуть расставив ноги и заложив руки за спину, и тоже смотрел нам вслед. Грустно и внимательно смотрел – я так и запомнил его... Увидимся ли мы ещё? Хорошо, что обошлось... Слава Богу! Как же так получилось?... Я чувствовал себя, как и называл меня Юрка, – балдой... Подвёл его, а ведь хотел как лучше! Почему так получается? И как научиться делать наоборот? То есть, когда ты хочешь сделать хорошее – чтоб так и вышло, хорошее? Я перевёл взгляд на колени – на них лежала коробочка с печеньем, прочитал этикетку: «Печенье игуменское творожное». Вкусное. Вот ведь, хотел человек сделать хорошее и – получилось. Как? Полицейский, мент, да все их боятся и никто не любит, а я теперь буду вспоминать его если не с радостью, то с благодарностью...

Юра взял телефон, стал звонить, наверное, Наташе. Долго держал телефон возле уха, потом опустил и растерянно отозвался:

– Не берёт. Миш, прибавим газу?

– Прибавим. А нас не остановят?

Он улыбнулся:

– Так прибавить у нас не получится: машинка, к сожалению, не та...

– Это хорошо... Юр, а Валерий Алексеевич – это какой-то волшебник?

– Очевидно, да, – откликнулся Юра. – Добрый полицейский фей.

Мы посмеялись. Потом я спросил:

– Разве такие бывают?

Юра покосился в зеркало, сказал уже серьёзно:

– Знаешь, Мишка, когда я впервые с ним пообщался – тоже подумал, что он какой-то волшебник. Или по крайней мере необыкновенный человек. А потом перестал удивляться, как-то привык к его отзывчивости. Видишь, он не один такой... Всё это, конечно, радует...

– Юр, мне Славка рассказывал, когда я у него гостил. Ты папе Антона тогда помог, проводил его домой...

– Да, и там встретился со Славкой и познакомился с Валерием Алексеевичем. Я помню, очень расстроился, когда узнал, что он полицейский. Но в тот день у нас не было никаких разговоров о том, что произошло. Видимо, обстановка напряжённая и он как-то старался её разрядить: шутил, спрашивал меня, где я учусь, чем занимаюсь. А у меня настроение такое было, отвратительное: дождь, слякоть, холодно и я опоздал на последнюю электричку! А чтобы успеть утром на занятия, нужно было вставать в пять утра.

– Бррр!

– Да. Моё состояние можно было только так и описать. Но мы посидели за чаем – и уходил я уже с другим настроением...

– Почему?

– Во-первых, я был счастлив, что нашёл Славку. Мы с Денисом тогда долго его искали, ведь в поезде мы видели его ни дать ни взять – бродягой. Голодным к тому же. После того как мы потеряли его на вокзале, я пообещал себе – никогда не проходить мимо ребятишек... Таких вот – расстроенных, голодных. В общем, тех, кому нужна помощь. Пообещал, а что толку?

– Юр... Ты поэтому тогда в автобусе... меня...

Он посмотрел мне в глаза.

– Миш, я забыл тогда про это обещание. Просто хотел тебя освободить от той тетеньки, которая так громко кричала... Хотя не знаю... Мы иногда что-то для себя решаем и потом действуем не задумываясь...

– И не из-за телефона? А говорил – в полицию отведёшь...

– Я был злой и голодный. Устал. Вот и ругался. Хотелось домой поскорее...

– А я боялся.

– Я тоже боялся, что ты сбежишь и где-нибудь пропадёшь.

Мы помолчали. Потом я спросил:

– А во-вторых?

– Чего?

– С дядей Валерой?

– А! Во-вторых, мы просто хорошо посидели. У них такая славная компания, ребяташки хорошие. А потом он позвонил на неделе, сказал, что хочет пообщаться по поводу того случая... Ты знаешь, в общем. Мы договорились на воскресенье, но я не смог... А потом, когда он ко мне приехал, говорит, не буду тебя мучить... Помню, я тогда удивился вслух. Говорю, Валерий Алексеевич, а меня не будут по судам таскать? Он усмехнулся: тебя-то за что? Вообще я ему очень благодарен.

– За что?

– Взял меня за шкирку и привёл в спортзал. Если б не он, думаю, не видать мне моря как своих ушей... Так, нам здесь, кажется, нужно повернуть.

Лес сменился большим полем, на котором паслись коровы и лошади. А потом... Потом я увидел справа впереди что-то синее, гладкое, большое, совсем непохожее на землю...

– Юра, это что, море?!

– Нет, Мишка. Это река Вятка.

– Такая огромная?

Вскоре мы оказались на большом мосту и река обрела границы в виде двух берегов. Но всё равно она была очень широкой.

В нескольких метрах от нас возвышались металлические треугольники железнодорожного моста. По ним громыхали круглые жёлтые цистерны. А за мостом тянулась серебристо-синяя гладь. Ближе к горизонту в ней размытыми мазками отражались облака, сверху они были ослепительно белые. По реке плыли теплоходы, и карандашными стержнями покачивались буйки.

Потом показались домики, железнодорожный переезд. Мы встали перед закрытым шлагбаумом. Юра выключил мотор и снова взял телефон.

В тишине были слышны какой-то звоночек на семафоре и длинные гудки в трубке. В зеркало я видел Юрино напряжённое лицо. Потом загромыхал перед нами товарный поезд. Когда последний кругленький вагон отзвенел рельсами и медленно стал таять в утренней дымке, поднялся шлагбаум.

– Юр, мы скоро приедем?

– Скоро. Часик-полтора. Ты остановиться не хочешь?

– Хочу. А то у меня там ночной чай...

Деревянные домики сменились каменными пятиэтажками. Оживлённые улицы, магазины. Куча светофоров – не разгонишься.

– Юр, это что за город?

– Советск.

Небольшой город, вроде нашего. Зелёный, уютный. Солнечный. Много людей на велосипедах. Машины разные, есть «жигули» и «лады».

Когда мы его проехали – снова начался лес. И не только деревья, как у нас – берёзки и клёны, а ёлки и сосны. Мы остановились на опушке, и я с удовольствием вдыхал прохладный воздух. На коричневых стволах блестели прозрачные жёлтые капельки – смола. Трава в ложбинке перед опушкой была мокрой от росы. А в лесу покров был хвойный, между засохшими иголками росли маленькие голубые цветочки и травинки с тремя фиолетовыми листиками, валялись шишки. По иголкам ползали огромные муравьи. Я присел, чтоб получше разглядеть их: надо же, утро, а они бегут куда-то, спешат... Звенели птицы.

Я встал, потянулся и сказал Юре, который ждал возле машины и поглядывал на меня:

– Как здесь здорово!

Он аж засветился: тёмные брови разгладились и уголки губ тронула улыбка.

– Да... Я теперь понимаю, почему Наташа сюда сбежала.

– Юр, ты ей не дозвонился?

Он покачал головой.

– Поедем?

– Да. Мишка, там бутерброды остались?

– Остались, ещё два.

– Доешь, а?

– А ты не будешь?

Юра мотнул головой.

Остаток пути мы ехали молча. Юра включил музыку, песни Виктора Цоя. Они у нас жили в машине, и в поездках мы часто слушали их. Мне они полюбились ещё зимой, когда Юра пел их под гитару. У Виктора Цоя особенный голос – хрипловатый, спокойный, задумчивый. Будто рассуждает вслух, а не поёт.

Утро вступало в свои права. Солнце растянуло золотую пелену по голубому небу, разбрызгало капельки жидкого золота на ёлочные верхушки, – они, эти капельки, опускались на речку, но не тонули в ней, а покачивались маленькими лодочками. Мы проехали небольшой городок, свернули налево. Дорога стала как будто песчаной. Пыль поднималась от колёс нашей машины. По обочинам росла очень высокая трава.

Неожиданно возник вдалеке высокий храм. Он, словно белоснежный корабль, поднимался среди зелёной листвы. Перед храмом белела табличка с названием «Спасо-Талица».

За храмом выстроились деревянные домики. Один, другой, третий – значит, это снова деревня. Магазин с большими пыльными окнами. Юра чуть проехал и остановился возле двухэтажного дома с зелёным забором, за которым покачивались на дереве маленькие яблоки. Со двора слышался призывный клич какой-то птицы. Я прислушался. Петух?! Не может быть! Серьёзно? Не, ну это же не «кукареку»! Но так надрывно кричит, скорее всего, он. Я не успел у Юры спросить: он вышел из машины. Возле забора стояла лавочка, на ней сидели две бабушки. Юра стал спрашивать что-то у одной из них – она махнула рукой в ту сторону, куда мы ехали. Юра кивнул и так же быстро и легко сел в машину.

– Юра, это петух кукарекает?

– Что? А... да. Петух.

Я смотрел в окно. Ехали мы медленно, и можно было всё рассмотреть. Возле домиков ходили белые и коричневые куры. Машин на дороге не было. Два или три раза проехали на велосипедах женщины в белых косынках. Прогромыхал грузовичок с голубым кузовом, на котором белыми буквами светилось «Хлеб». Мы притормозили возле маленькой рощицы, где покачивали ветвями высокие берёзы: из-за щелястого забора выглядывал жёлтый одноэтажный домик с трубой.

Юра подошёл к калитке, просунул руку в небольшое отверстие, что-то там повернул и открыл дверь. Потом изнутри открыл ворота и плавно заехал во двор. Поднялся на каменное крыльцо, на котором лежал вязаный, выцветший на солнце коврик. Потянул ручку двери. Я думал, что не откроется – но она легко, без скрипа отворилась. Он исчез за ней.

Я выбирался из машины дольше, чем Юра. Во-первых, у меня затекла спина, точнее нижняя её часть. Вроде недавно разминались, а я чувствовал себя старичком. Во-вторых, с моей стороны росла крапива. Я хоть и был в штанах, а решил перебраться и выйти из другой двери. На всякий случай. В третьих...

Я вылез и – остановился. Воздух здесь был такой... Ох. Как бы это сказать? Не воздух. Всё другое. Пространство. Словно купался в речке, рядом шумно, смеются, а ты нырнул вдруг и – все звуки исчезли.

Как в другом мире... Листья шелестят. Петух кукарекает – после его хриплого крика ещё больше ощущается тишина. Дверью кто-то хлопнул, но не у нас – кажется, в соседнем доме.

С этим хлопком я словно проснулся. И, быстренько поднявшись по ступенькам, вошёл в дом.

Ни звука. На ковре возле порога стояли Юрины ботинки. Пахло деревом, тёплым таким... Необычный запах... Словно травяной, но не влажной земли, а сухой, приятный.

Я, не наклоняясь, снял ботинки – чуть заскрипели половицы под стареньким ковром. И снова тишина – объёмная, вместительная. У входа стоял диван, за ним – стол, покрытый скатертью с жёлтой бахромой. На столе – глиняный кувшин с широким расписным горлышком. Напротив стола, слева, была белая крашеная дверь. Юра, наверное, за ней... А... Наташа?

Я почему-то не сразу решился потянуть за серебристую ручку – всё смотрел на белые капельки краски на ней. Оглянулся зачем-то: на окне, за кружевными занавесками билась о стекло муха. Кто-то скрипнул половицами – там, в соседней комнате. Я вспомнил, что не снял куртку, поспешно стянул её и бросил на диван – шелест ткани был похож на первые раскаты грома. Я съёжился и снова взглянул на дверь...

Когда я наконец решился и взялся за ручку – она оказалась гладкой и очень прохладной, – тишина исчезла. Словно рябь пошла по зеркальной глади воды. Заколыхалось пространство от робкого, нерешительного плача где-то в глубине дома. Похожего на мяуканье испуганного котёнка, но очень звонкого – плача малыша.

Глава 3

Утро на берегу реки

1

По утрам мы с Юрой ходили на рыбалку. Брали Ольку – Юра тихонько уносил её в кухню-комнатку, бережно пеленал, клал в люльку и выносил на крыльцо, рядом с которым стояли шасси от неё. Я отвечал за удочки и завтрак: брал сумку с приготовленными с вечера снастями, вытаскивал из холодильника крынку с молоком и переливал его в термос, клал в рюкзак, туда же опускал четвертинку хлеба, успевая отрезать горбушку и сунуть её в рот.

– Сядь и позавтракай нормально! – говорил Юра, если оказывался рядом.

Я мотал головой, наливал себе в чашку молока, залпом выпивал его и – был готов.

Молоком нас снабжала старушка-соседка, которая держала корову. В то утро, когда появилась на свет наша Олька, бабушка долго стучала в дверь, а когда я открыл – очень удивилась, увидев не Наташу, а меня. Я сказал, что Наташа занята, и стал смотреть на молоко: его вид меня завораживал. Белое, с пенкой, похожей на растаявшее мороженое, с удивительным запахом... Она протянула банку мне, кивнув: «Пей на здоровьечко!» – и ушла, а я не успел даже поблагодарить её. Растерянно смотрел в окно, как бабушка, чуть сгорбившись, ковыляла к соседнему дому между картофельными грядками, потом охнул: молоко-то ещё тёплое! Решил, что лучшей благодарностью будет, если я его попробую, а на словах – поблагодарю завтра.

Попробовал я так, что от принесённого бабушкой молока осталась половина банки – я перелил его в красивый кувшин на столе, а банку помыл. Вечером мы с Юрой нажарили картошки и допили остатки, а весь следующий день... я провалился на диванчике в кухне: ну кто же знал, что мой живот, привыкший к магазинному продукту, откажется принимать натуральное коровье молоко? Юра бегал от Наташи ко мне, попутно объясняя, что парного молока лучше не пить, а дать ему отстояться хотя бы до вечера в холодильнике, что в нём много каких-то коровьих белков, которые не все люди могут переварить, а выросшие в цивилизации – то есть он и я – и подавно.

– Но у тебя же ж не болит! – простонал я в подушку.

– Ну ты сравни, Мишка, сколько я выпил и сколько ты... – он присел на минутку и погладил меня по спине. – На-ка чаю, я ромашку заварил. Балда, не доглядел я! – отругал он себя.

Фельдшер, Настасья Семёновна, заглянувшая посмотреть Наташу и малышку, пощупала и мой бедный живот, успокоила Юру, что всё пройдёт и пообещала принести каких-то трав. Обещание сдержала, принесла моментально, и Юра весь остаток дня поил меня горьковатой ароматной жидкостью. К вечеру мне полегчало. Я поел варёной картошки и даже заглянул к Наташе в комнату, присел на корточки и долго смотрел на мою маленькую сестрёнку.

Она оказалась невероятно крохотной! Носик торчал, будто на него нажали пальцем, она смешно морщила его и иногда чихала. Из-под пелёнки высывались тонкие тёмные волосики. А бровей у неё и не было – лишь намёк, что когда-то будут эти брови. Иногда она чуть хмурилась и постанывала, а иногда – улыбалась, прямо во сне! У меня на душе потеплело, и я тоже улыбнулся. Надо же! Такая кроха, а умеет поднимать настроение!

– Как мы её назовём? – спросил я у Наташи, которая тоже любовалась малышкой.

– Сашенька, Пелагея, Оля... Выбирай, – ответила она вполголоса.

Я подумал.

– Оля, наверное. У Юры ведь старшего брата Олегом звали... Будет немножко похоже. Наташа чуть улыбнулась.

– Мне тоже нравится Оля... Да и память равноапостольной Ольги через неделю...

– Это которая первая на Руси приняла Крещение?

Она кивнула.

– Первая из князей... Миш, как твой живот? Как вы вчера добрались? – спросила она шёпотом.

– Живот – хорошо. Добрались – тоже.

– Партизаны вы с Юркой, – снова улыбнулась она. – Ни один ничего не рассказывает.

Я покачал головой. Раз Юра не рассказывает – значит, не надо.

– Как ты тут одна без нас справлялась?

Важно получилось с моей стороны. Она тихонько засмеялась и взлохматила мои волосы. И тут я понял, что ужасно соскучился по Наташе! Что вот этого вот мне не хватало для полного счастья. Чтоб она так улыбалась и легко лохматила меня. Всего-то навсего. Ерунда какая! А жизнь как-то сразу приобрела новые оттенки... Не, нам с Юрой замечательно было вдвоём! А сейчас... Как бы это объяснить? Лето, солнышко, тепло, ты гуляешь... И вдруг – лёгкий ветерок, тёплый такой, будто обнимает тебя... И ты, как маленький, скачешь от радости, потому что – лето! Или вот идёшь ты домой, радуешься, что возвращаешься именно домой, что хорошо погулял и жизнь – она, вообще-то, прекрасна... И тут видишь свет в твоём окошке и на душе сразу – радуга. Потому что тебя ждут, ты нужен! Один штрих, маленькое движение, и... жизнь – как чудо.

– Чего задумался? – спросила Наташа.

Я мотнул головой. Малышка закричала. Сморщила носик-кнопку.

– Кушать хочет, – шепнула Наташа. И я тихонько ушёл.

Хотел лечь: сил после целого дня страданий оставалось мало, хватило ровно на то, чтоб поесть и поболтать с Наташей. Упасть бы где-нибудь, хоть на коврик. Я донёс себя до дивана. И обнаружил, что на нём уже спит Юра.

И куда мне теперь? С минуту я стоял, прислонившись к стене и глядя, как забавно он уснул: подложив ладони под голову, и приоткрыв рот, и подогнув колени – маловат диванчик оказался. На столе стояли маслёнка, стакан молока и две тарелки: моя, почти пустая, и, очевидно, Юрина – с картошкой. Вилка лежала рядом, интересная такая – с белой пластмассовой ручкой и длинными зубцами. Чистая вилка...

Я ещё раз посмотрел на Юру. Вчера полдня он ездил за вещами и подгузниками для малышки, покупал еду и что-то ещё по списку, который написала Наташа; оставшиеся полдня стирал, а ночью, вероятно, поспать ему тоже не удалось: проснувшись от детского плача, я слышал в комнате его шаги и негромкий голос. Он что-то спрашивал у Наташи, а может, качал малышку – не знаю... А сегодня – лечил меня, гладил пелёнки, разбирал наши вещи, готовил обед, снова ездил в магазин...

Когда я это всё понял, когда вспомнил, что до этого он всю ночь рулил, – почувствовал, как краска заливает мне щёки. Олух несчастный! Стою тут и посмеиваюсь и даже не догадываюсь, что надо одеяло принести!

Сил прибавилось. Я заглянул в маленькую комнатку за печкой и обнаружил там кровать, накрытую красивым розовым покрывалом: снаружи оно было атласное, а внутри – хлопковое, я снял его и очень осторожно укрыл Юру. Он даже не шевельнулся. Потом запер входную дверь на крючок, отыскал в рюкзаке мою книжку, накрыл миской картошку, выключил везде свет и улёгся на кровать в той комнатке. Да, ещё заглянул к Наташе и принёс ей бутылку с водой и шоколадку – она попросила.

Забыл рассказать о домике, в котором мы обосновались. Это был самый настоящий деревенский домик с печкой. Она, эта печка – большая, солидная, – стояла в центре таким образом, что каждая её стена была частью какой-нибудь комнаты. Комнат было три, даже четыре,

не очень большие, а одна – совсем маленькая: в ней помещались только кровать, тумбочка с зеркалом и два стула. Во всех комнатах были окна, прикрытые белыми занавесками и шторами. Убранство домика было нехитрое: в одной, крайней, комнате – большая кровать, стулья и бак с мёдом, в другой – в ней разместились Наташа с малышкой – угловой диван, большой шкаф, стол и кресло-качалка, в третьей – в неё выходило печное окошко, устье, – односпальная кровать, несколько стульев, комод с телефоном и раковина с водой, про четвёртую я уже рассказал. На полу везде были коврики. Кухня и ванная были устроены в сенях за дверью, той самой, которую я всё не решался открыть, когда мы приехали. В кухне – стол, старинный шкаф со стеклянными дверцами и небольшой диван. А за столом стояли новые кухонные шкафчики, отгораживающие газовую плиту и ванну с туалетом.

Юра объяснил мне, что так раньше строили дома: печь была в середине для того, чтобы обогревать дом. А туалет в доме – недавнее изобретение, на улице был ещё один туалет, без удобств. И водопровода тоже раньше не было, и стиральной машинки... Как люди без них обходились – для меня осталось загадкой.

Через пару дней жизнь наладилась. Юра выспался, съездил в город, раздобыл там муки и решил попробовать испечь хлеб в деревенской печке, под чутким Наташиным руководством. Наташа стала понемногу хозяйничать. Оля перестала плакать по ночам и теперь хорошо спала даже днём – наверное, от маминого молока. Вообще она много спала и подолгу, а просыпаясь, немножко смотрела на всех вокруг, ела и снова – на боковую. Сплюха такая оказалась моя маленькая сестрёнка! Наташа объяснила мне, что это нормально, что, когда она наберётся сил, – будет больше «гулять». Но я пока в это слабо верил.

Печка – белая, солидная, она словно воплотилась из детской сказки. Прежде чем печь в ней хлеб, нужно было её заранее растопить. Юра решил это сделать вечером. Он принёс из сарайчика берёзовых поленьев и сложил их возле печи. И пошёл спрашивать у Наташи, в каком именно отверстии нужно разводить огонь. Отверстий было три: маленькое, квадратное – на левой стороне печки, внизу, а другое – большое, полукруглое – на уровне моей груди; под ним же располагалось ещё одно, занавешенное белой салфеткой. В большом я бы и сам поместился. Помните: «Печка-матушка, спрячь меня...»? Теперь я понимаю, почему Маша решила там спрятаться от гусей-лебедей... Именно в нём, как оказалось, можно печь хлеб, готовить еду, и именно в нём мы развели огонь. Но прежде этого Юра отодвинул заслонку, которая была вверху – над отверстием слева.

– Это зачем?

– Там идёт труба. Через неё будет поступать кислород для огня и выходить углекислый и угарный газы.

– То есть там печка соединяется с трубой, которая на крыше?

– Вроде того.

После наших долгих стараний печка ожила. Загудел огонь. А я уселся на стул возле неё и всё смотрел, смотрел, и так мне было уютно и хорошо! Несмотря на то, что возле печи остались следы нашей деятельности – дрова, бумага, щепки.

– Юр, она как будто поёт, да? – спросил я

Юра сгрёб щепки в совок, выпрямился.

– Поёт... – задумчиво ответил он и улыбнулся, глядя на рыжевато-красное пламя. – Один мудрец сказал, что на свете есть три вещи, на которые можно смотреть бесконечно: как течёт вода, как горит огонь и как работают другие...

– Четыре, – поправила его проходившая мимо Наташа с малышкой: – Как работает робот-пылесос.

Юра засмеялся, выпрямился и подошёл к Наташе. Взял у неё Ольку. А я вскочил, схватил веник.

– Ой, Мишка, это я случайно про мудреца вспомнил, – спохватился Юра. – Я сам подмету. Ты давай-ка лучше чаю согрей. Попьём и будем ложиться.

В деревне спать хорошо. Особенно когда потрескивают в печке дрова. Кругом тишина, только маленькая Олька кряхтит за стенкой... И больше никаких звуков: ни шума машин, ни соседей. словно мы одни в целом мире... Воздух, свежий, прохладный, чуть колышет занавески на окне. В этот раз я, как обычно, заснул быстро. Но под утро мне стало жарковато, да вдобавок какой-то одинокий петух стал продирать горло. Кричал он хрипло, надрывно, словно никак ему не нравился его голос. Сон пропал.

– Сходи водички попей, – проворчал я и уселся на кровати.

За окном было уже светло. Кто-то ходил в соседней комнате: поскрипывали половицы. Удивительно, но петух замолчал. Услышал, что ли, мой совет? Во даёт! Я надел штаны и рубашку и выбрался из своей комнатки.

Возле печки копошился Юра.

– Ты чего соскочил? – удивился он.

– Жарко.

– Ну да, есть немного: перестарались вчера, – он был в майке, лохматый, взъерошенный.

От наших «стараний» остались чёрные, подмигивающие красными огоньками головёшки. Юра кочергой разбросал их по поду – так называется низ печи – и пошёл месить тесто. Чтоб оно быстрее взошло – поставил его на печку: там было тепло, даже горячо. Я вспомнил, как читал в книгах, что в старину на печке даже спали. Ещё бы! Зимой – так вообще хорошо, наверное, не замёрзнешь! У нас, правда, лежачок был не очень большим, но я бы поместился. Юра взял в углу моей комнаты веник с длинной ручкой, сунул его в печь и, собрав все угольки в кучу, сгрёб их под трубу. В печи стало пусто.

– И как ты собираешься там печь? Без огня? – я подошёл к печи вплотную и тут же отодвинулся: дыхнуло на меня жаром.

Юра задвинул устье большим заслоном и пошёл катать колобки. Я пару раз видел, как забавно он это делает – легко, быстро, не нажимая, а словно бы поглаживая, – и получается из рыхлого, вздутого теста ровный, гладенький шарик. На этот раз он сделал два и стал искать лопату.

– Зачем?

– Хлеб сажать. Это ведь не в духовку досочкой. И вынимать как? Сам видел, что горячо.

– Откуда ты про всё знаешь?

– Наташа рассказала. И в интернете смотрел, давно ещё. Мужик-пекарь выкладывал. Хорошее видео, спасибо ему.

Лопату – деревянную, с длинной ручкой – Юра нашёл на кухне. Поставил в уголок. Потом позвал меня пить чай. Пока мы пили чай, пришла бабушка с молоком, мы отдали ей банку с конфетами. Юра с Наташей не возвращали банки пустыми. Обычно клали в них какие-нибудь сладости... Потом мы начистили картошки – на обед. А потом Юра взял лопату, присыпал её мукой, ладонью сдвинул со стола подошедший хлебушек – большой, с мелкими серыми трещинками, проступавшими сквозь муку. Открыл заслон и отправил хлеб вглубь печки. Также поступил и со вторым:

– С Богом!

Задвинул заслон, оставив маленькую щёлочку, вытер лоб, поставил лопату в уголок и стал загружать стиральную машинку.

– Дела... – пробормотал я.

Дома за духовкой нужно было всё время поглядывать, убавлять температуру, прикрывать хлеб листом, чтоб сильно корка не чернела. А здесь регулятора температуры нет – сколько градусов не узнаешь, но и следить не нужно. Прошло около получаса, и Юра снова взял лопату и осторожно вынул оттуда два каравая – потемневших, кругленьких, ароматных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.